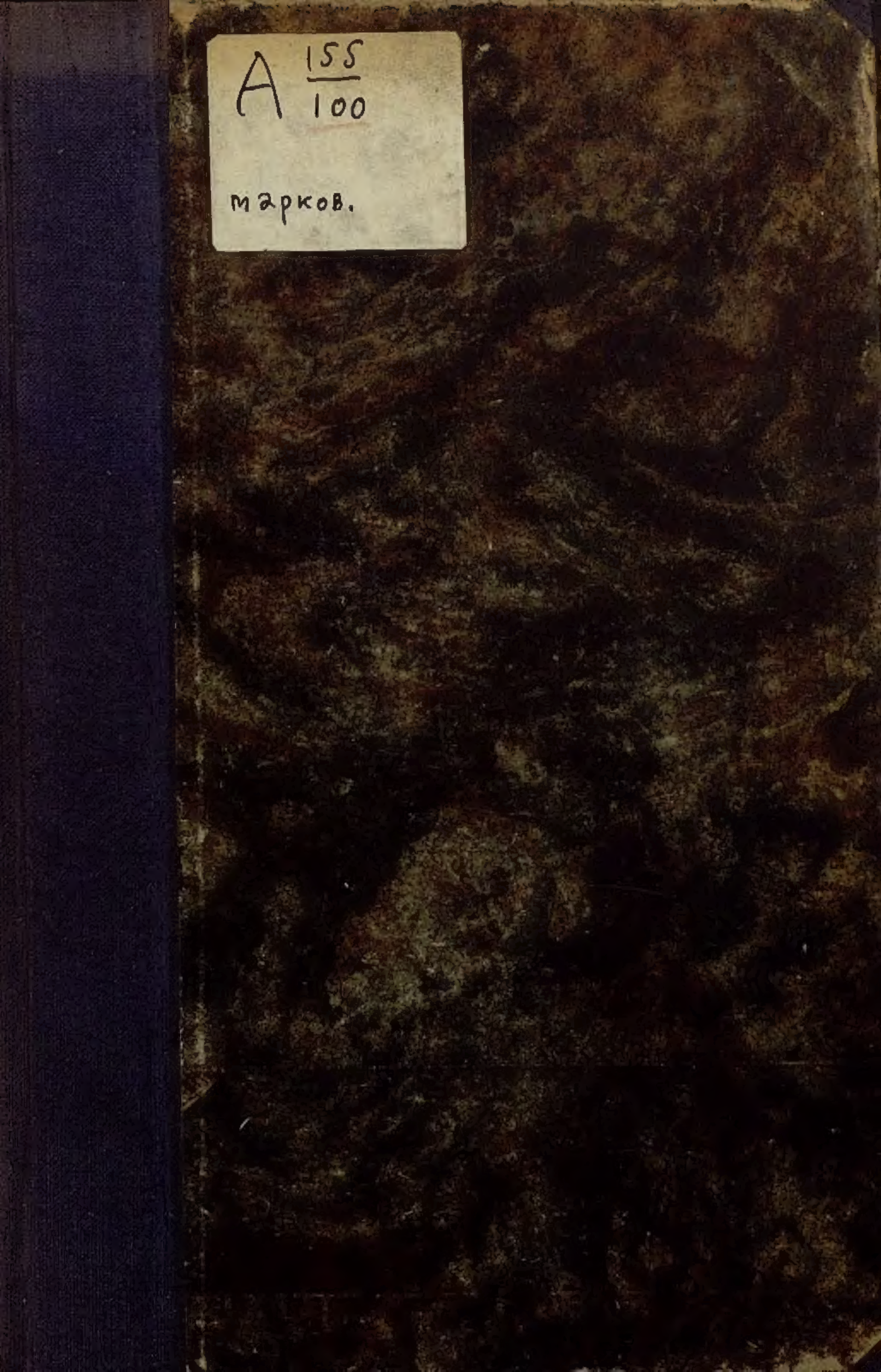

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

ВЛАДИМІРЪ СВЯТОЙ

историко-біографическій очеркъ

Н. Маркова.

Изданіе М. Гольденберга

Типографія Гольденберга въ Елисаветградѣ, Московск. ул. д. № 51.

1888.

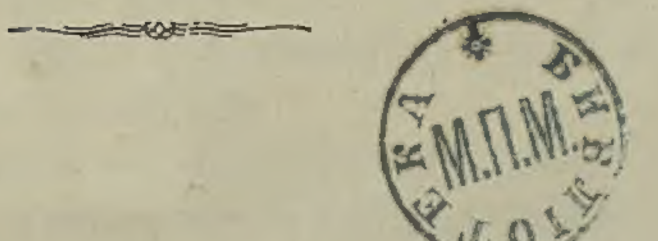
Ко дню 900-лѣтія Крещенія Руси.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

ВЛАДИМІРЪ СВЯТОЙ

историко-біографическій очеркъ

Н. Маркова.

Изданіе М. Гольденберга

ипографія Гольденберга въ Елисаветградѣ, Московская ул. д. № 51.

1888.

Дозволено цензурою.—Одесса 17 Марта 1888 г.

Воспоминанія событій древности всегда были и будутъ назидательными уроками для потомства. Они служатъ вѣрнѣйшими средствами связи новаго съ древнимъ и пробуждаютъ въ человѣкѣ лучшія свойства его души. Въ этомъ заключается воспитательное значеніе юбилейныхъ торжествъ.

Чѣмъ древнѣе отъ насъ событіе, тѣмъ священнѣй становится оно при воспоминаніи о немъ.

Девятьсотъ лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ того времени, когда въ водахъ Днѣпра, у подножія Кіевскихъ холмовъ, Русь, отвергши своихъ идоловъ, назвала себя страной христіанской. Но при воспоминаніи событія мысль наша всегда желаетъ знать того, кто былъ главнымъ лицомъ въ его совершеніи. Живѣй и яснѣй становится тогда древнее дѣло и полнѣй будетъ о немъ воспоминаніе.

Такимъ лицомъ въ нашемъ крещеніи былъ великій князь кіевскій Владиміръ Святославичъ, внукъ святой Ольги.

Онъ далъ намъ свѣтъ вѣчнаго солнца. Народъ назвалъ его Краснымъ Солнышкомъ, древняя лѣтописная книга поставила его рядомъ съ Константиномъ великаго Рима, «иже крестися самъ и люди своя», а православная церковь сопричислила его къ лику Равноапостольныхъ.

Въ нашемъ очеркѣ мы имѣли въ виду не общую исторію русской земли времени князя Владиміра, а главнымъ образомъ исторію его личной жизни, воспоминанію которой благоговѣйно посвящаемъ нашъ трудъ.

Николай Марковъ.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМІРЪ СВЯТОЙ.

„Иже сотворитъ и научитъ, сей велій наречется въ царствіи небеснѣмъ".
Матѳ. 5. 19.

У великаго князя Святослава было три сына: Ярополкъ. Олегъ и Владиміръ. Они не были дѣтьми одной матери, такъ какъ Святославъ, по языческому обычаю того времени, имѣлъ нѣсколько женъ. Владиміръ родился отъ Малуши, служившей ключницей у княгини Ольги, матери Святослава; слѣдовательно, по матери онъ былъ низкаго происхожденія. Но въ княжескомъ родѣ материнская линія не имѣла значенія; какъ сынъ правящаго князя, внукъ великой Ольги, онъ ничѣмъ не отличался въ своемъ достоинствѣ отъ своихъ братьевъ. Гораздо большее значеніе имѣлъ возрастъ княжескихъ сыновей, что сказывалось, напримѣръ, при распредѣленіи земель въ удѣлы. Старшій изъ сыновей въ этомъ отношеніи имѣлъ значительное преимущество передъ младшими: онъ обыкновенно получалъ въ наслѣдство великокняжескій столъ, становился «вмѣсто отца» своимъ братьямъ и велъ великокняжескую линію преемственно отъ отца къ своему старшему-же сыну.

Такимъ образомъ по положенію болѣе видная роль между дѣтьми Святослава принадлежала старшему сыну Ярополку и менѣе замѣтная назначалась младшему изъ дѣтей—Владиміру.

Семейство великаго князя жило въ Кіевѣ; во главѣ его стояла престарѣлая Ольга, въ то время уже христіанка. Что же касается самого князя Святослава, то его частыя отлучки изъ города, проводимыя въ военныхъ походахъ, рѣшительно отнимали у него время заниматься не только дѣлами семейными, но и внутренними государственными.

Кіевъ того времени представлялъ собой небольшой городокъ, расположенный на поднимающейся надъ Днѣпромъ горѣ. Это то мѣсто, которое носило въ старину названіе Верхняго или Вышняго города, а въ наше время Стараго Кіева. Окруженный лѣсами и водой и вообще живописной природой, городъ этотъ обратилъ на себя вниманіе плывшихъ мимо него варяжскихъ князей Аскольда и Дира, которые спросили по преданію у Полянъ: «чій се градокъ?» Въ этомъ городкѣ, какъ извѣстно, и сѣли приставшіе къ нему князья и положили начало его исторической жизни. Живописно протекающій подъ Кіевомъ Днѣпръ, не разъ мѣнявшій свое теченіе, придавалъ городу очень важное значеніе, оживляя его своими водами со многими втекающими въ него рѣками и ручьями. По днѣпровскимъ водамъ приходили торговыя суда изъ отдаленной Византіи; по Днѣпру же отходили ладьи первыхъ русскихъ князей въ море съ мирными и военными цѣлями.

Древнѣйшая кіевская гора для Кіева и всей христіанской Руси есть древнѣйшее священное мѣсто: здѣсь, по преданію, нѣкогда Св. апостолъ Андрей Первозванный преподалъ свое благословеніе странѣ, водрузилъ крестъ и предрекъ славу знаменитаго города. Гора эта получила названіе Андреевской; отъ Днѣпра на нее велъ Боричевъ взвозъ, надъ которымъ когда-то жилъ, по словамъ лѣтописца, первый князь города-Кій. На верху же горы находился каменный, обращенный къ рѣкѣ,

княжескій теремъ съ большимъ теремнымъ дворомъ, гдѣ впослѣдствіи великій князь Владиміръ устраивалъ свои богатырскіе пиры. Теремъ этотъ находился на краю древняго города, а по ту сторону его, въ противоположную отъ Днѣпра, шла другая половина двора съ садомъ по склону горы.

Въ югозападной сторонѣ отъ этого терема находился дворъ варяга Ѳеодора, гдѣ онъ вмѣстѣ съ сыномъ Іоанномъ мученически окончилъ свою жизнь, не соглашаясь поклониться кумиру. Недалеко отъ княжескаго двора возвышался холмъ, священный для русскихъ язычниковъ: здѣсь стоялъ идолъ Перуна, важнѣйшаго ихъ божества. Идолъ его представлялъ собою человѣкоподобную фигуру, сдѣланную изъ дерева.

По склонамъ горы на днѣпровскомъ побережьи расположились предмѣстья стараго Кіева—Пасынчья Бесѣда и Козары; въ концѣ ихъ надъ ручаемъ стояла церковь Св. Иліи, бывшая еще при князѣ Игорѣ, а можетъ быть и раньше, соборною церковью христіанской Руси. Христіанскіе храмы еще не свободно входили въ центральныя части города, они воздвигались по-преимуществу *на окраинахъ или даже за городомъ*, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находились дворы христіанъ. Въ самомъ же городѣ, на западной его сторонѣ, стояла церковь Св. Софіи, посвященная Пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ и построенная Св. княгинею Ольгою; а за городомъ, близь древняго села Берестова, была сооружена тою же княгиней церковь Св. Николая, какъ предполагаютъ, на могилѣ перваго русскаго князя-христіанина Аскольда, получившаго во святомъ крещеніи имя Николая.

На загороднемъ-же полѣ находилась и вторая княжеская могила—могила Дира. Неизвѣстно: была ли она отмѣчена въ

то время чѣмъ либо подобно могилѣ Аскольда; теперь это мѣсто уже съ давнихъ поръ находится въ чертѣ города, гдѣ возвышается Софійскій Соборъ.

Кіевъ красивъ былъ по природѣ. Окрестности его съ густою зеленью и обильной водой придавали мѣстности особенно живописный видъ. Нынѣшній Подолъ еще не былъ заселенъ; здѣсь, внизу горы, во время княгини Ольги еще протекалъ Днѣпръ. Даже въ позднѣйшее время это мѣсто было покрыто болотами, съ густымъ камышемъ. Тутъ же, вблизи отъ стараго Кіева, находилось и заросшее лозою Оболонье съ тучною травою, куда Кіевляне высылали свои стада и гдѣ совершали поклоненіе покровителю стадъ богу—Волосу.

Въ близкомъ разстояніи Старокіевской горы, по береговому направленію, тоже на возвышеніяхъ, расположилось село-Берестово, любимое впослѣдствіи мѣстопребываніе кн. Владиміра; а не вдалекѣ отъ Кіевской горы находилась гора Щековица съ могилою Олега.

Кромѣ Днѣпра, протекавшаго у самаго подножія стараго города, Кіевъ омывался еще двумя рѣчками, впадавшими въ Днѣпръ: Лыбедью и Почайной съ Крещатицкимъ источникомъ. Первая, быть можетъ, сохранила имя сестры трехъ основателей Кіева—Лыбеди. На этой рѣкѣ стояло сельце Предславино, а дальше за этими предѣлами шли широкія поля и густые первобытные лѣса.

Торговля съ иностранными купцами и сношенія съ чужими землями оживляли Кіевъ и дѣлали его важнѣйшимъ городомъ въ южной Руси, почему онъ и получилъ значеніе средоточія и столицы края. Но цвѣтущая пора города была еще впереди, она начинается со времени Владимірова княженія и главнымъ образомъ со времени русскаго крещенія.

Князь Святославъ не любилъ своего города; сидѣть дома и вѣдать дѣла своей земли было не въ его характерѣ. Съ отборною дружиною, весь преданный военному дѣлу, онъ все свое княженіе провелъ, можно сказать, на полѣ сраженій. По природѣ своей это былъ настоящій военный герой, которому скучными казались внутреннія дѣла государства, которому неріятны были мирные семейные разговоры. Онъ искалъ подвиговъ съ мечемъ въ рукѣ, какъ передовой воинъ, и, не рѣдко увлекаясь бранною тревогой, пренебрегалъ опасностями, какъ для себя, такъ и для своей всегда немногочисленной дружины. Онъ началъ свое княженіе военнымъ походомъ и кончилъ его съ оружіемъ въ рукахъ подъ смертельнымъ ударомъ непріятеля, захваченный врасплохъ главными врагами Руси—Печенѣгами. Преданіе говоритъ, что изъ черепа русскаго князя была сдѣлана застольная чаша, которую оковали золотомъ и изъ которой пили во время пиршествъ. Такъ враги отличили храбраго воина ото всѣхъ другихъ, павшихъ съ нимъ вмѣстѣ на одномъ полѣ. Святославъ нѣсколько непонятно для насъ относился къ своему отечеству. Кіевъ «мать русскихъ городовъ», съ исторіей котораго уже связаны были имена вѣщаго Олега, злосчастнаго Игоря, наконецъ самой Ольги «мудрѣйшей изъ женъ», не привлекалъ Святослава къ себѣ; онъ не удерживалъ въ себѣ своего князя, родная земля не останавливала вниманія его на своихъ нуждахъ и не вызывала въ немъ къ себѣ любви и служенія.

Святославъ, какъ недовольный, искалъ случая уйти изъ родной страны; покинуть Русь. Онъ ни на минуту не задумывался ни надъ участью старой и больной Ольги, ни надъ участью своихъ малолѣтнихъ дѣтей.

Счастливые походы окончательно завлекли князя въ Бол-

гарію. Здѣсь, въ городѣ Переяславцѣ, онъ задумалъ избрать себѣ мѣсто постояннаго пребыванія, перенести сюда изъ Кіева свое княженіе.

Если же князь Святославъ такъ относился къ русской землѣ, если съ такимъ малымъ вниманіемъ онъ располагался къ своей матери, то могъ ли онъ имѣть какое либо нравственное вліяніе на ростъ своихъ дѣтей? Дѣтей своихъ, какъ мы сказали выше, Святославъ почти не видалъ, онъ почти не говорилъ о нихъ. Да ему ли, мужчинѣ, занятому военными дѣлами, было думать о маленькихъ дѣтяхъ. И дѣти находились на рукахъ женщинъ, и прежде всего на попеченіи своей бабки Ольги.

Что же касается Владиміра, которому еще не было и десяти лѣтъ, то онъ всего меньше останавливалъ на себѣ вниманіе отца—язычника, тѣмъ болѣе, что впереди его были два старшихъ брата. Семья не привлекала Святослава къ себѣ даже въ минуты опасности, угрожавшей и матери и дѣтямъ отъ набѣга Печенѣговъ. Великій князь какъ-то холодно принялъ извѣстіе о набѣгѣ этихъ варваровъ и нехотя пошелъ въ Русь изъ завоеванной Болгаріи, которую въ оскорбленіе Кіевлянъ называлъ «своей страной.» По словамъ преданія Кіевляне послали сказать Святославу. «Ты, князь, чужой земли ищешь и блюдешь ее, отъ своей же отрекся; чуть-чуть насъ не взяли Печенѣги вмѣстѣ съ твоею матерью и дѣтьми, если не пріидешь, не оборонишь насъ, то опять возьмутъ; неужели тебѣ не жалко отчины своей, ни матери старухи, ни дѣтей малыхъ?» Въ этихъ трогательныхъ словахъ мы слышимъ и упрекъ, и жалобу, и просьбу. Князь, ушедшій съ своей дружиной изъ Кіева, дѣйствительно вернулся и прогналъ Печенѣговъ.

Не любилъ Святославъ и мирныхъ семейныхъ разговоровъ. Не одинъ разъ княгиня Ольга заводила съ нимъ рѣчь о дѣлѣ религіи и спасеніи души: о дѣлѣ, которое ей, какъ просвѣтленной христіанскимъ ученіемъ, казалось выше всѣхъ другихъ дѣлъ. Но грубое чувство язычника, окровавлявшаго такъ часто свой мечъ въ военной борьбѣ, не сдавалось на увѣщанія матери. Сильно огорчало это княгиню, больно было видѣть матери собственными глазами заблужденіе сына, у котораго къ тому же подростали свои дѣти. «Я узнала Бога, говорила Ольга своему сыну, и радуюсь, если и ты узнаешь Его, и ты будешь радоваться». Святославъ не рѣшался дѣлать матери откровеннаго возраженія. Онъ малодушно ссылался на постороннія причины и думалъ себя оправдать именемъ дружины.

«Какъ мнѣ одному принять другой законъ? говорилъ онъ: «дружина станетъ надъ этимъ смѣяться.»

И больше этого онъ не могъ сказать ничего.

«Если ты крестишься, то и всѣ станутъ дѣлать то же.» Возразила Ольга, справедливо указывая на значеніе княжескаго примѣра.

Но Святославъ не слушался матери. Онъ не принималъ другаго закона совсѣмъ не потому, что стѣснялся своей дружины, а потому, что ему всѣ законы были одинаковы, а надъ дѣломъ своей матери онъ даже не задумывался. Онъ равнодушно относился къ тому, что язычники его времени на глазахъ у его матери позволяли себѣ дѣлать насмѣшки и ругательства надъ христіанами, а впослѣдствіи воздвигъ гоненіе на нихъ, не пощадилъ даже своего брата и отдалъ приказаніе разорить кіевскіе христіанскіе храмы.

По отношенію къ малолѣтнимъ своимъ сыновьямъ онъ сдѣлалъ одно, что поручалъ ихъ всегда бабкѣ христіанкѣ, и мало вмѣшивался въ ихъ дѣтскую жизнь.

Наконецъ, незадолго до смерти своей матери, князь рѣшилъ оставить Русь. Онъ откровенно сказалъ княгинѣ: «Не любо мнѣ въ Кіевѣ, хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ, тамъ середина земли моей; туда со всѣхъ сторонъ свозятъ все доброе: отъ Грековъ золото, ткани, вино, овощи разныя; отъ Чеховъ и Венгровъ серебро и коней; отъ Руси мѣха, воскъ, медъ и рабовъ.

Больная Ольга съ грустью отвѣчала своему сыну, которому не любо было въ Кіевѣ: «Ты видишь, что я уже больна, куда же это ты отъ меня уходишь? Когда похоронишь меня, то иди, куда хочешь».

О дѣтяхъ въ этомъ разговорѣ князь не сказалъ ни слова.

Престарѣлая, праведная княгиня предчувствовала свою кончину, она удерживала сына своего только на короткое время. Черезъ три дня, послѣ этой непріятной для нея бесѣды, она скончалась. (969 г.)

Таковъ былъ характеръ русскаго великаго князя, таково было отношеніе его къ странѣ своей и къ семьѣ. Очевидно, что въ дѣлѣ воспитанія дѣтей князь Святославъ, какъ отецъ, не принималъ никакого участія; но прежде всего ему мѣшало въ этомъ отношеніи то, что онъ принадлежалъ къ языческой вѣрѣ. Не то мы видимъ въ такихъ отцахъ, какъ напримѣръ Владиміръ Мономахъ, которому были понятны значеніе просвѣщенія и благородство нравственныхъ чувствъ человѣка. Заботы о дѣтяхъ лежали всецѣло на княгинѣ бабкѣ, великой Ольгѣ; и заботы эти не остались безъ слѣда.

Равнымъ образомъ вліять на всѣхъ трехъ внуковъ было, конечно, невозможно; младшій изъ нихъ Владиміръ былъ слишкомъ еще малъ; вліяніе же бабки было очень замѣтно. По словамъ лѣтописи Ярополкъ былъ кротокъ и милостивъ, любилъ христіанъ, и если самъ не крестился, боясь народа, то, по крайней мѣрѣ, другимъ не препятствовалъ принимать крещеніе, и христіане видѣли въ немъ своего защитника отъ насилій язычниковъ. О материнскомъ вліяніи на дѣтей Святослава мы не можемъ сказать ничего. Это вліяніе находилось, во первыхъ, въ рукахъ Ольги, и во-вторыхъ: могло ли быть какое либо вліяніе на младенца Владиміра со стороны рабыни Малуши?

Но у князя Владиміра было еще одно близкое лицо, принадлежавшее по родственнымъ связямъ къ княжеской семьѣ; —это былъ его дядя Добрыня. Вліяніе Добрыни было очень значительно. Юный князь, послѣ смерти своей бабки, переходитъ всецѣло подъ надзоръ и руководство этого родственника. Добрыня всѣми силами старается возвысить значеніе Владиміра, который, какъ младшій въ родѣ, естественно долженъ былъ стать на задній планъ при старшихъ братьяхъ. Но съ этой стороны Добрыня думаетъ сколько о племянникѣ, столько же и о самомъ себѣ, и пользуется удобнымъ случаемъ для осуществленія своихъ стремленій. Вскорѣ послѣ смерти Св. Ольги Святославъ привелъ въ исполненіе свое желаніе выѣхать изъ Кіева и поселиться въ Переяславцѣ, а этимъ самымъ закончить свое княженіе на Руси. Русскія земли онъ передаетъ своимъ все еще юнымъ сыновьямъ, изъ которыхъ старшему Ярополку было не болѣе 11 лѣтъ. Его онъ посадилъ въ Кіевѣ, а Олегу отдалъ землю Древлянскую. Такимъ раздѣленіемъ земель между князьями

оскорбились Новгородцы, считавшіе себя впереди другихъ русскихъ племенъ. Они не могли удовлетвориться какимъ либо намѣстникомъ, тѣмъ болѣе, что даже Древляне получили себѣ особаго князя, и пришли къ Святославу съ просьбой дать имъ управителя княжескаго происхожденія. Великій князь послалъ къ нимъ Владиміра. Но дѣти князя по своему возрасту нуждались въ руководителяхъ, имъ нужны были опытные въ дѣлѣ правленія мужи; такимъ мужемъ у Владиміра и сталъ его дядя Добрыня. По лѣтописи онъ былъ родомъ изъ города Любича, сынъ Малха, братъ Малуши и, слѣдовательно, дядя князя Владиміра. По народнымъ же сказаніямъ отца-матери хорошаго, роду-племени ученаго, изъ города Рязани. Это былъ самый близкій человѣкъ къ Владиміру, оставленному своимъ отцомъ почти еще младенцемъ. Князь былъ, такъ сказать, сданъ на руки своему дяди, который увозилъ его въ Новгородъ, въ совершенно иную обстановку чѣмъ та, какая его окружала въ Кіевѣ. Со смертью своей бабки Владиміръ лишился нѣжной женской заботливости и перешелъ подъ руководство жесткаго мужскаго характера. Всего важнѣе то, что онъ потерялъ возможность получать наставленіе въ духѣ христіанской вѣры, такъ какъ Добрыня былъ ярый и суровый язычникъ. До переѣзда своего съ малолѣтнимъ Владиміромъ въ Новгородъ Добрыня, видимо, не принималъ никакого участія въ жизни княжеской семьи; но онъ воспользовался благопріятнымъ случаемъ, чтобы возвыситься и стать во главѣ княжескаго управленія. Случай этотъ доставили ему Новгородцы, когда пришли къ Святославу просить себѣ князя. Преданіе разсказываетъ объ этомъ слѣдующимъ образомъ.

Послы новгородскіе, сказали Святославу: «Если никто изъ вашего рода не пойдетъ къ намъ, то мы сами себѣ найдемъ князя.»

Святославъ, зная предпріимчивый нравъ новгородцевъ, отвѣчалъ имъ:

«Если бы кто пошелъ къ вамъ, то я былъ бы радъ дать вамъ князя.» Старшіе же сыновья Ярополкъ и Олегъ отказались править въ Новгородѣ. Тогда Добрыня посовѣтовалъ посланнымъ просить себѣ княземъ младшаго сына. «Просите Владиміра», сказалъ хитрый дядя, желая выдвинуть или, по крайней мѣрѣ, сровнять въ достоинствѣ своего племянника съ старшими его братьями, получившими уже княженія отъ своего отца.

«Дай намъ Владиміра!» сказали послы Святославу. «Возьмите!» отвѣчалъ имъ великій князь и этимъ рѣшилъ княженіе третьяго и послѣдняго своего сына въ Новгородѣ. Распредѣливъ же земли между своими сыновьями, Святославъ ушелъ въ Болгарію въ свой Переяславецъ. Это было въ 970 году.

Добрыня достигъ такимъ образомъ высокаго значенія, какъ опекунъ Новгородскаго князя, и, по словамъ лѣтописца, будучи воеводою у Владиміра, былъ мужъ храбръ и нарядень. Въ это время онъ былъ въ полномъ цвѣтѣ своихъ лѣтъ и, какъ человѣкъ дѣятельный, настойчивый и хитрый, умѣлъ оказать рѣшительное вліяніе на своего племянника, а также привить ему много особенностей своего личнаго характера. Поэтому, говоря о дѣлахъ Владиміра-язычника, когда князь былъ еще въ отроческомъ и юношескомъ возрастѣ, нельзя забывать о воспитателѣ и опекунѣ его Добрынѣ. Сѣмена, посѣянныя въ душѣ ребенка его бабкою, заглохли, по крайней мѣрѣ, на долгое время. Увлекающійся по природѣ юный князь, невоздержанный и необлагороженный въ своихъ желаніяхъ, отдался всецѣло грубому язычеству, которое не могло дать

никакихъ правилъ доброй жизни. Слѣдующія обстоятельства представятъ намъ Владиміра, какъ алчнаго, грубаго язычника, жестокаго въ обращеніи съ людьми, когда они препятствовали ему въ достиженіи его цѣлей. Но прежде этого возвратимся къ исторіи кіевской Руси, къ жизни братьевъ Владиміра.

Между Ярополкомъ и Олегомъ произошло столкновеніе, въ которомъ главную роль игралъ старый воевода Ярополка Свенѣльдъ. Однажды Олегъ встрѣтилъ на своей землѣ Люта—сына Свенѣльда, выѣхавшаго на звѣриную охоту, и убилъ его; Свенѣльдъ, желая отомстить Олегу за смерть своего сына, успѣлъ вооружить противъ него Ярополка. Послушный князь пошелъ на брата съ своею ратью и овладѣлъ его землей. Въ бѣгствѣ отъ непріятеля черезъ мостъ, возлѣ г. Овруча, Олегъ упалъ въ ровъ и былъ задавленъ подъ трупами людей и животныхъ.

Долго, съ утра до полудня, пришлось вытаскивать изъ рва эти трупы, пока не былъ отысканъ наконецъ мертвый Олегъ. Тронутый страшной смертью своего брата, Ярополкъ, въ слезахъ указывая на трупъ юнаго князя, сказалъ Свенѣльду: «Порадуйся, теперь твое желаніе исполнилось!» Съ этого времени надъ обѣими волостями сталъ княземъ Ярополкъ, ибо Святослава въ живыхъ въ эти печальные дни уже не было; онъ послѣ пораженія, нанесеннаго греками, погибъ, какъ извѣстно, на возвратномъ пути изъ Болгаріи въ Кіевъ отъ Печенѣговъ въ 972. Узнавъ о смерти Олега и усилившейся власти Ярополка, Владиміръ, конечно, по указанію Добрыни, бѣжалъ изъ своего города за море къ Варягамъ. А въ Новгородъ явились намѣстники Ярополка, который такимъ образомъ сталъ единовластнымъ княземъ на Руси, едва на двадцатомъ году своей жизни.

Въ бѣгствѣ у Варяговъ Владиміръ пробылъ три года; здѣсь онъ присмотрѣлся къ отважнымъ морскимъ предпріятіямъ этихъ сѣверныхъ жителей и успѣлъ собрать смѣлую дружину, съ которой двинулся въ русскую землю къ своему Новгороду; выгналъ оттуда присланныхъ Ярополкомъ посадниковъ и велѣлъ сказать своему брату: «Владиміръ идетъ противъ тебя, приготовляйся къ войнѣ!» Слова эти напоминаютъ намъ обыкновенную фразу князя Святослава, когда онъ, вооружаясь на противниковъ, посылалъ имъ сказать: «иду на васъ.»

Есть основаніе предполагать, что Владиміръ, не смотря на свои юные годы, былъ уже въ это время женатъ. Первою женою Владиміра лѣтопись называетъ нѣкую Олову, жену варяжскую, которую князь могъ взять только во время пребыванія своего на сѣверѣ. Въ эту пору въ жизни Владиміра совершается новое важное событіе, чрезвычайно ярко рисующее его своевольный, необузданный нравъ. Въ событіи этомъ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ является дочь Полоцкаго владѣтеля Рогвольда—молодая Рогнѣда, сосватанная уже за кіевскаго князя Ярополка. Печальная судьба Рогнѣды, сдѣлавшейся жертвою насилія Владиміра, начинаетъ собою рядъ страшныхъ злодѣяній нашего князя-язычника. Надо сказать, что Ярополкъ, приготовляясь къ войнѣ съ братомъ, обратился за помощью къ своему, какъ онъ былъ увѣренъ, будущему родственнику, полоцкому владѣтелю. Къ Рогвольду же обратился и Владиміръ съ требованіемъ выдать за него Рогнѣду, невѣсту Ярополка. Отецъ поручилъ это дѣло разрѣшить дочери. Но гордая Рогнѣда, вѣрная своему жениху, сказала: «Не хочу разути рабичича!» т. е. сына рабы. Этимъ она желала указать на несовсѣмъ чистое княжеское происхожденіе Владиміра, мать котораго была ключницей. Отвѣтъ Рог-

нѣды раздражилъ пылкаго князя, который, по словамъ лѣтописи, «исполнился ярости», а еще больше его дядю Добрыню, который, будучи братомъ Малуши, принялъ слова Рогнѣды и на свой счетъ. Добрыня не могъ простить Рогвольду такого отзыва его дочери о новгородскомъ князѣ и побудилъ Владиміра взять братнину невѣсту, если не съ согласія ея, то силою. Месть была въ духѣ нашего язычества; этою страстью жестокій Добрыня обладалъ въ полной мѣрѣ. Послушный волѣ дяди, Владиміръ собралъ войско изъ сѣверныхъ народовъ и отправился на Полоцкъ за горделивой невѣстой. Походъ этотъ сопровождался ужасными дѣяніями. всей семьѣ Рогвольда неожиданно грозило страшное несчастіе отъ руки Владиміра. Въ то самое время, когда уже готовились вести Рогнѣду за Ярополка, подъ городомъ явился мститель — Владиміръ, который и началъ свой страшный погромъ Полоцка и избіеніе семьи его владѣтеля. На глазахъ отца и матери, для большаго ихъ оскорбленія и горя, Добрыня отдалъ Рогнѣду Владиміру, какъ-бы въ насмѣшку надъ несчастіемъ. Но мстителю этого было недостаточно. Въ довершеніе ужаса Рогвольдъ и два его сына были убиты. Земля Полоцкая не выдержала дикаго натиска и отдалась волѣ грозныхъ завоевателей. Оскорбленная, выстрадавшая такъ много молодая Рогнѣда по справедливости получила имя Гореславы; но впереди ее ожидали еще большія несчастія. Такимъ образомъ Рогнѣда стала второю женою кн. Владиміра, у котораго уже былъ сынъ Вышеславъ. Семейная обстановка начальныхъ нашихъ князей намъ извѣстна очень мало, поэтому мы не можемъ говорить о подробностяхъ жизни обѣихъ женъ Владиміра въ это время. О женщинѣ наша лѣтопись говоритъ вообще немного; объ ней она упоминаетъ только въ исключительныхъ, необыкновенныхъ случаяхъ, напримѣръ о княгинѣ Ольгѣ, о злосчастной

Рогнѣдѣ, а большею частью ограничивается однимъ упоминаніемъ лишь женскихъ именъ. Кровавая насильственная женитьба Владиміра на братниной невѣстѣ достаточно ярко рисуетъ съ перваго взгляда нравъ этого молодаго князя. Но трудно допустить, чтобы во всей этой страшной исторіи Владиміръ дѣйствовалъ по собственному побужденію и по собственной только волѣ. Постоянное и значительное участіе Добрыни въ потрясающемъ чувство человѣка постыдномъ походѣ ясно свидѣтельствуетъ, что никому другому, какъ только этому жестокому человѣку, принадлежитъ здѣсь первое мѣсто. Лѣтопись о дѣйствіяхъ Добрыни говоритъ такимъ образомъ: Добрыня, вступивши въ городъ и плѣнивъ семейство Рогвольда, поносилъ его и его дочь, нарекъ ей женихомъ сына рабыни и повелѣлъ Владиміру быть съ нею передъ отцемъ ея и матерью. Ясно, что Владиміръ здѣсь только исполнялъ приказаніе своего дяди.

Таковъ былъ воспитатель, таковъ былъ образецъ у юнаго Владиміра въ его новгородской жизни. Но сколько-же Владиміру было въ это время лѣтъ? Мы видѣли, что при раздѣленіи русской земли Святославомъ между сыновьями, когда онъ уходилъ въ Болгарію, Владиміръ былъ еще такъ молодъ, что отецъ не назначалъ ему никакого удѣла, но и старшій изъ братьевъ—Ярополкъ имѣлъ тогда не болѣе 11 лѣтъ, Владиміръ-же былъ третьимъ сыномъ—слѣдовательно ему могло быть лѣтъ девять. Борьба Ярополка съ Олегомъ произошла на четвертый годъ со времени княженія братьевъ въ своихъ земляхъ;—въ этомъ же году Владиміръ, устрашившись увеличившейся власти Ярополка, бѣжалъ къ Варягамъ, гдѣ пробылъ около трехъ лѣтъ. Такимъ образомъ Владиміру при возвращеніи его изъ варяжской земли шелъ не болѣе, какъ во-

семнадцатый годъ, а это было въ 980 году. Въ томъ же году произошелъ описанный погромъ Полоцка. Итакъ еще въ отроческомъ возрастѣ Владиміръ совершалъ или былъ свидѣтелемъ такихъ ужасовъ, къ которыхъ жизнь и честь человѣка приносились въ жертву гнусному посмѣянію. Только жестокіе нравы язычества и затаенная злоба Добрыни могли внушать и поддерживать въ чувствахъ юнаго князя такія страсти и такую грубость. Мы вправѣ заключить, что весь періодъ новгородской жизни Владиміра прошелъ подъ вліяніемъ Добрыни. Мы ни разу не встрѣтили у князя какого-либо воспоминанія о своей бабкѣ, о своей жизни въ Кіевѣ. Очевидно, что впечатлѣнія ранняго дѣтства изгладились окончательно. Новая новгородская среда ничѣмъ не походила на кіевскую обстановку. Сѣверные славяне были грубѣе по своимъ нравамъ кіевлянъ, ихъ чувства и образъ жизни не смягчались никакимъ благопріятнымъ условіемъ. Какъ климатъ страны, ея сравнительно бѣдная и суровая природа, такъ и сосѣдство съ смѣлыми и отважными Варягами, съ которыми Новгородъ не прекращалъ своихъ сношеній со времени Рюрика, дѣйствовали на натуру человѣка совершенно инымъ образомъ, чѣмъ южная располагающая къ себѣ природа Днѣпра и дѣятельныя сношенія съ Византіей, уже принесшей въ то время въ Русь начатки христіанства. Надъ Кіевомъ жило благословеніе св. Андрея, о которомъ новгородцы составили только грубое преданіе; въ Кіевѣ возвышалась не одна христіанская церковь; въ южной столицѣ жила и скончалась Святая Ольга; тутъ были уже княжескія могилы Аскольда и Дира. — Что могъ представить у себя Новгородъ въ сравненіи съ этимъ начаткомъ новой общерусской духовной жизни? А слѣдовательно, что могъ дать Новгородъ пришедшему сюда еще ребенкомъ князю, который былъ доступенъ въ своемъ возрастѣ всякимъ

вліяніямъ. Добрынѣ нужно было подняться на степень перваго лица въ странѣ и онъ достигъ этого безъ труда и даже безъ заслугъ, воспользовавшись выгодно обстоятельствами простаго случая. До болѣе зрѣлаго возраста Владиміра онъ управляетъ имъ въ угоду своимъ желаніямъ, со времени же возмужалости князя становится ревностнымъ исполнителемъ намѣреній своего воспитанника и дѣйствуетъ также энергично и жестоко, какъ и прежде, хотя дѣйствія его идутъ въ разрѣзъ съ былыми его поступками. Въ Новгородѣ Добрыня жилъ семьею, но о вліяніи семьи его на молодаго Владиміра мы ничего не знаемъ.

На полоцкій походъ Владиміра мы должны смотрѣть, какъ на первый шагъ въ его движеніи къ югу изъ того мѣста, гдѣ и язычество и своеобразная обстановка могли бы окончательно увлечь умъ и чувство неумѣвшаго владѣть собою князя, отдавшагося слишкомъ неудержимо своимъ плотскимъ желаніямъ. Это случилось бы уже потому, что вліяніе Добрыни шло бы въ томъ же духѣ, съ тѣми же самыми цѣлями, такъ какъ соправитель Владиміра жилъ до старыхъ лѣтъ и не оставлялъ своего племянника ни въ одномъ изъ его дѣйствій. Но историческія судьбы вели Владиміра въ Кіевъ, ставили его въ соприкосновеніе съ другими, болѣе сильными, чѣмъ суровый нравъ дяди, вліяніями и привели его къ новой жизни, къ духовному возрожденію. Но путь къ этому обновленію былъ еще далекъ: Владиміръ шелъ по указаніямъ того-же воспитателя, у котораго, конечно, и въ умѣ не было желаній переродить своего племянника. Но какъ бы то ни было Владиміръ не возвратился въ Новгородъ, онъ не повернулъ назадъ. Разгромъ Полоцка былъ сдѣланъ по дорогѣ въ Кіевъ; Владиміръ шелъ на брата своего Ярополка, который въ это

время не обладалъ большою дружиною и не рѣшился выйти на-встрѣчу многочисленному сѣверному войску. Онъ затворился, а Владиміръ остановился на Дорогожичи. Хитрый Добрыня искалъ средствъ возможно скорѣй и рѣшительнѣй овладѣть столицею не только для того, чтобы одержать побѣду, но чтобы посадить въ этомъ городѣ племянника и сдѣлать его единовластнымъ княземъ всей Руси. Надобно было или устранить Ярополка отъ княженія, или убить его, какъ помѣху въ достиженіи своихъ цѣлей. Жестокій Добрыня выбираетъ послѣднее и именемъ князя Владиміра заводитъ страшные переговоры съ воеводою Ярополка Блудомъ.

Блудъ у князя Ярополка занималъ, видимо, мѣсто Добрыни при Владимірѣ. Это былъ человѣкъ честолюбивый, не питавшій никакой привязанности къ своему князю, и готовый при удобномъ случаѣ забыть и предать его, если могъ разсчитывать на какія-либо личныя выгоды. Этотъ Блудъ получилъ отъ имени князя Владиміра такое предложеніе: «помоги мнѣ; если я убью брата, то ты будешь мнѣ вмѣсто отца и получишь отъ меня большую честь!» Выраженіе «убью» надобно понимать буквально. Добрыня шелъ съ Владиміромъ не какъ честный воинъ, а какъ кровожадный свирѣпый язычникъ, который считалъ свой успѣхъ обезпеченнымъ только тогда, когда на пути его кроваваго шествія оставались убитыя имъ жертвы. Невозможно допустить, чтобы эти слова были сказаны по личному приказанію Владиміра: могъ ли Добрыня допустить, чтобы его мѣсто при князѣ было занято кѣмъ либо помимо его и могъ-ли Блудъ стать Владиміру «вмѣсто отца», когда это мѣсто давно уже принадлежало тому же Добрынѣ? Но легковѣрный Блудъ поддался обѣщанію и сталъ искать случая предать добраго и тихаго Ярополка

въ руки непріятеля. Онъ послалъ сказать Владиміру: «я приведу къ тебѣ Ярополка, а ты распорядись, какъ бы убить его!» Наглый измѣнникъ не хотѣлъ только кровавить своихъ рукъ, но предавалъ своего князя на вѣрную смерть, обдумавъ напередъ всѣ средста убійства.

«Ступай къ брату,» сталъ онъ говорить Ярополку: «и скажи ему—что́ дашь, то и возьму!» Довѣрчивый юноша принялъ совѣтъ своего воеводы и, въ надеждѣ мирно покончить вражду съ братомъ, отправился къ Владиміру.

Были у Ярополка и преданные люди, таковъ нѣкій Варяжко, который, понимая истинное положеніе дѣлъ, предупредилъ молодаго Ярополка, открывая ему отвратительный замыселъ. «Не ходи, князь, убьютъ тебя», сказалъ онъ ему прямо: «бѣги лучше къ Печенѣгамъ и приведи отъ нихъ войско.» Не хотѣлъ вѣрить Ярополкъ этимъ словамъ и пошелъ къ брату. Тутъ совершилось ужасное дѣло. Князь свободно прошелъ къ брату, онъ вошелъ уже въ двери; но два варяга, поставленные заранѣе по сторонамъ входа, пронзили Ярополка мечами съ боковъ.

Достигшій своего Блудъ поспѣшилъ затворить двери и скрылъ отъ своихъ мученія умирающаго князя. Такъ былъ убитъ Ярополкъ, заключаетъ лѣтопись.

Итакъ Владиміръ вошелъ въ Кіевъ черезъ трупъ своего брата. Онъ оставался теперь единымъ наслѣдникомъ всей Руси отца своего Святослава и поселился здѣсь, какъ князь уже не только Новгородскій, но всей русской земли.

Два событія, слѣдовавшія такъ быстро одно за другимъ —убіеніе Рогвольда и убіеніе Ярополка, при всемъ различіи

ихъ подробностей, имѣютъ очень много между собою общаго. И то и другое—двѣ кровавыя насильственныя сцены, на первомъ планѣ которыхъ является тотъ же князь Владиміръ, дѣйствующій по внушенію свирѣпаго дяди своего Добрыни алчно и безсердечно. Ни то обстоятельство, что онъ овладѣвалъ братнииой невѣстой, ни то, что онъ предавалъ смерти родиаго брата—не сдержали его порыва, ни разу не заставили его воспротивиться коварнымъ замысламъ своего руководителя. И въ томъ и въ другомъ случаѣ имѣлась ввиду личная цѣль, угода собственнымъ желаніямъ. На Рогвольда и Ярополка Владиміръ нападаетъ безъ всякаго со стороны того и другаго вызова или повода; первый былъ виноватъ тѣмъ, что у него дочь невѣста; второй тѣмъ, что онъ княжилъ по наслѣдству отъ отца въ стольномъ городѣ. Обоихъ Владиміръ застаетъ врасплохъ, ибо нельзя опираться на фразу, посланную Ярополку: «да готовится отразить меня», потому что она вовсе не приготовляетъ противника къ встрѣчѣ внезапно вызвавшагося непріятеля; это мы видимъ изъ обстоятельствъ борьбы съ Ярополкомъ, которому нѣкій Воряжко совѣтуетъ уже въ критическую минуту бѣжать къ Печенѣгамъ за помощью. А самъ Владиміръ шелъ, по словамъ лѣтописи, съ многочисленнымъ наемнымъ войскомъ, которое ничего не жалѣло, для котораго своего ничего не было на Руси. Наконецъ характеръ расправы съ противниками одинъ и тотъ-же.

Владиміръ сѣлъ въ Кіевѣ въ 980 году. Съ этого времени можно считать вторую эпоху въ жизни нашего князя, когда онъ становится въ иныя условія жизни, чѣмъ въ періодъ новгородскій. Теперь онъ уже великій князь, единственный повелитель русской земли.

Слѣдуетъ замѣтить, что съ приходомъ своимъ въ Кіевъ, Владиміръ внесъ въ жизнь этого города два весьма важныхъ обстоятельства, имѣвшихъ въ начальное время Владимірова княженія большое значеніе. Во-первыхъ Владиміръ вошелъ въ Кіевъ ярымъ язычникомъ, а во-вторыхъ онъ привелъ съ собою буйное наемное варяжское войско. Оба эти обстоятельства могутъ послужить весьма важнымъ основаніемъ для характеристики и оцѣнки личности и дѣятельности Владиміра-язычника.

Кіевъ, имѣвшій въ своемъ населеніи въ то время уже много христіанъ, считавшій у себя уже нѣсколько христіанскихъ храмовъ, мало-по-малу отвыкалъ отъ стариннаго язычества. Идолы, правда, еще стояли въ городскихъ предѣлахъ, но они теряли прежнее свое значеніе и не вызывали къ себѣ общаго и единодушнаго поклоненія. На окраинахъ города слышалась уже молитва другаго рода, а за городомъ находились княжескія христіанскія могилы; кіевляне уже бывали не одинъ разъ свидѣтелями христіанскаго погребенія, отвергшаго языческую тризну. Кумиръ Перуна былъ ветхъ, о поновленіи его никто не заботился. Но вотъ является Владиміръ изъ страны, гдѣ язычество жило еще своею бодрою жизнію, и дѣло насажденія христіанства въ Кіевѣ значительно затягивается, замираетъ; ему грозитъ возстановленіе язычества въ прежнемъ богопочитаніи. Старательный язычникъ—новый князь хочетъ поднять вѣру предковъ; съ этой цѣлью внѣ двора теремнаго на мѣсто ветхаго идола Перуна онъ ставитъ новаго истукана, украшаетъ его золотомъ и серебромъ, а вмѣстѣ съ нимъ воздвигаетъ пять новыхъ кумировъ – боговъ Хорса, Дажбога, Стрибога, Симаргла и Мокоша. Языческое жертвоприношеніе достигаетъ крайнихъ размѣровъ; въ фанатическомъ поклоненіи истуканамъ населеніе доходитъ до ослѣпленія и спѣшитъ мо-

литься своимъ идоламъ, купаясь въ крови человѣческихъ жертвъ.

Христiане въ ужасѣ и въ боязни за спасенiе своей вѣры и жизни оставляютъ городъ, бѣгутъ отъ страшныхъ сценъ кумирослуженiя, или скрываютъ свое исповѣданiе въ тайникахъ; а иные, болѣе слабые духомъ, обращаются снова въ идолопоклонство. Никогда, по свидѣтельству лѣтописи, не оскверняласъ русская земля языческими требами такъ, какъ это было при Владимiрѣ. Князь приказывалъ, говорятъ, разрушать христiанскiе храмы, а непослушныхъ христiанъ приносить въ жертву богамъ. Но вѣра меньшинства все-таки была тверда, крѣпость ея засвидѣтельствована мученическими смертями.

Вотъ какой случай передаетъ намъ лѣтопись изъ этой поры нашей исторiи.

Разсказываемъ его словами преосв. митрополита Макарiя: Одержавши побѣду надъ Ятвягами въ 983 г, великiй князь захотѣлъ возблагодарить боговъ своихъ кровью человѣческою. По совѣту бояръ и старцевъ, приказалъ онъ бросить жребiй для указанiя жертвъ, и жребiй палъ на прекраснаго юношу —сына одного варяга, прибывшаго къ намъ изъ Грецiи и исповѣдывавшаго, вмѣстѣ съ сыномъ, христiанство. Напрасно отецъ уговаривалъ присланныхъ къ нему съ этой роковой вѣстью, что боги языческiе не суть боги, а бездушные истуканы, созданiе рукъ человѣческихъ и что одинъ есть истинный Богъ —Творецъ неба и земли. Это только раздражило пословъ, которые немедленно разсказали все другимъ, отъ чего произошло всеобщее смятенiе. Народъ ворвался во дворъ христiанина съ оружiемъ въ рукахъ, разметалъ ограду и настоятельно требовалъ у него выдать жертву, обреченную богамъ. Отецъ стоялъ тогда съ сыномъ въ сѣняхъ своего дома и отвѣчалъ:

«если боги ваши суть точно боги, то пусть они пошлють одного изъ среды себя, чтобы взять моего сына, а вы чего требуете?...» Раздраженные язычники подожгли сѣни дома и подъ развалинами его задавили отца съ сыномъ. То были первые мученики на Руси Θеодоръ и Іоаннъ.

Это уже было настоящее гоненіе на христіанъ, превосходившее въ значительной мѣрѣ то, которое было во время греческой войны князя Святослава, въ порывѣ гнѣва непощадившаго своего брата Глѣба. Но тамъ была вспышка, здѣсь же обдуманное преслѣдованіе только-что вступившей на русскую землю христіанской религіи.

То же самое усердіе къ языческимъ богамъ, какое мы видимъ въ Кіевѣ, сказалось и въ сѣверномъ центрѣ русской земли въ Новгородѣ. Извѣстный Добрыня, посланный въ Новгородъ, какъ княжескій намѣстникъ, тоже занялся съ обычнымъ рвеніемъ служеніемъ язычеству. Здѣсь, на берегу Волхова, онъ соорудилъ богатый идолъ главнаго божества—Перуна. Но новгородская среда принимала это усердіе къ идолослуженію совершенно иначе, чѣмъ кіевская. Здѣсь не могло быть борьбы и тутъ не имѣли мѣста ни гоненія, ни мученическія смерти.

Таково было отношеніе Владиміра къ язычеству и такова была ужасная вражда его къ христіанамъ. Но нравъ князя не смягчался и въ семейной его жизни.

Только язычествомъ можно объяснить отношенія его къ своимъ женамъ. Женъ, признаваемыхъ законными, у князя было очень много, а незаконныхъ еще больше. Злосчастная Рогнѣда, оторванная отъ семьи и прибывшая вмѣстѣ съ Владиміромъ въ Кіевъ, вѣроятно, пользовалась одно время наиболь-

шею привязанностью къ себѣ князя. Но, не взирая на это, Владиміръ здѣсь же вступилъ въ новый бракъ, третій по счету, женившись на вдовѣ убитаго брата своего Ярополка.

Для мѣста жительства своихъ женъ Владиміръ назначалъ обыкновенно загородныя селенія, въ которыхъ онъ самъ любилъ проводить время, когда былъ свободенъ отъ военныхъ походовъ. Рогнѣда жила въ селѣ, въ живописной мѣстности на рѣкѣ Лыбеди. Тутъ подымался высокій красивый холмъ, получившій названіе Дѣвичь-горы, связанной, вѣроятно, въ недошедшемъ до насъ разсказѣ съ судьбой чьей-либо дѣвичьей жизни. Замѣтимъ, кстати, что въ старинныхъ записяхъ объ этихъ мѣстахъ упоминается о какой-то Владиміровой грушѣ; —вѣроятно, это одно изъ деревьевъ сада селенія Предславина, гдѣ князь Владиміръ имѣлъ обыкновеніе пребывать, садясь въ дни отдыха отъ своихъ военныхъ подвиговъ, подъ любимымъ деревомъ.

Но вниманіе, которое оказывалъ Владиміръ насильственно взятой Рогнѣдѣ, было неособенно продолжительно; уже на пятый годъ онъ оставилъ свою плѣнницу и съ нею вмѣстѣ забылъ и село Предславино, которое замѣнилъ другимъ селомъ Берестовымъ.

Старшимъ сыномъ у Рогнѣды былъ Ярославъ изъ числа шестерыхъ дѣтей, между которыми были двѣ дочери.

Гордая происхожденіемъ и непримирившаяся съ своимъ положеніемъ у князя Владиміра, котораго она считала, какъ мы уже сказали, сыномъ рабыни, Рогнѣда возможными средствами мстила князю и въ особенности въ то время, когда его вниманіе охладѣвало къ ней. Наконецъ она задумала убить Владиміра. Однажды, когда князь заснулъ въ ея помѣщеніи,

она рѣшилась привести въ исполненіе свой замыселъ и съ ножемъ въ рукахъ уже ждала удобную минуту, чтобы зарѣзать Владиміра во снѣ; но князь, къ счастію, проснулся во время и остановилъ занесенную на него руку.

Рогнѣда не скрыла своего намѣренія, она сказала князю прямо: «Ужъ горько мнѣ стало съ тобой: отца моего ты убилъ и землю его полонилъ ради меня, а теперь не любишь меня и младенца моего». Пораженный Владиміръ сдержалъ себя въ эту минуту или быть можетъ въ то же время задумалъ отплатить Рогнѣдѣ при иной обстановкѣ. Онъ велѣлъ ей одѣться въ блестящее княжеское одѣяніе такъ точно, какъ она была одѣта въ день своей свадьбы, сѣсть на богатой княжеской постели и ожидать. Но князя приходилось ожидать не милосерднаго, а грознаго и мстительнаго.

Владиміръ хотѣлъ убить ненавистную теперь жену, но убить не тайно, во снѣ, а явно, предупредивъ о томъ любимую нѣкогда супругу. И для этого понадобилась вся эта торжественная обстановка. Но Рогнѣда остановила разгнѣваннаго князя хитростью и взяла въ свидѣтели ожидаемой смерти своей сына своего младенца Изяслава. Отдавши въ руки ребенка отточенный мечъ и исполнивъ все, что было приказано Владиміромъ, она сказала сыну: «когда войдетъ сюда отецъ, ты выйди и скажи: отецъ! развѣ ты думаешь, что ты здѣсь одинъ?» Владиміръ вошелъ; обреченная на смерть Рогнѣда ожидала его въ праздничномъ нарядѣ; сынъ встрѣтилъ отца и сказалъ затверженныя слова. «Кто-жъ думалъ, что ты здѣсь!» произнесъ пораженный князь и бросилъ свой мечъ. Тогда Владиміръ созвалъ бояръ, разсказалъ имъ все дѣло и, по совѣту ихъ, оставилъ въ живыхъ Рогнѣду, удаливъ ее съ сыномъ изъ–подъ Кіева. Онъ построилъ имъ городъ, который на-

звалъ Изяславлемъ. О дочери Рогнѣды—Предславѣ сохранилось преданіе еще болѣе печальное, чѣмъ разсказы о ея матери —Гореславнѣ.

Такъ проходила жизнь Владиміра въ пору его цвѣтущей молодости. Всѣ указанныя нами событія со времени выѣзда его изъ Новгорода, слѣдовали такъ быстро одно за другимъ на протяженіи какихъ нибудь пяти—шести лѣтъ, такъ почти непосредственно смѣняли другъ друга, что по справедливости ихъ можно считать одной непрерывной цѣлью жестокихъ дѣяній. Отношенія его къ Рогвольду и его семьѣ, къ Ярополку и его несчастной вдовѣ, къ женамъ своимъ и вообще къ духу христіанскаго исповѣданія въ достаточной мѣрѣ изобличаютъ нравъ и характеръ этого князя. Жизнь эта была полна тревогъ и приключеній. Не разъ Владиміръ испытывалъ критическія минуты, не разъ онъ падалъ духомъ, какъ напримѣръ, у стѣнъ подъ Кіевомъ, пережилъ моментъ, грозившій ему смертельной опасностью, и всегда былъ виноватъ самъ, хотя и выходилъ побѣдителемъ при затруднительныхъ обстоятельствахъ то благодаря наставленіямъ своего наставника Добрыни, то простому счастливому случаю. Кончалъ же всегда онъ тѣмъ, что распаленный въ гнѣвѣ обрушивался на свои жертвы страшнымъ мстителемъ.

Обратимся къ другому обстоятельству этой поры жизни Владиміра въ Кіевѣ. Владиміръ пришелъ въ Кіевъ съ сѣверными дружинами, которыя состояли изъ Новгородцевъ, Чуди и Кривичей, но въ числѣ ихъ было и наемное войско Варяговъ; на него слѣдуетъ обратить особенное вниманіе, потому что оно причиняло Владиміру не мало заботъ въ первое время его кіевскаго княженія. Варяги-побѣдители считали Владиміра обязаннымъ себѣ и на Кіевъ смотрѣли, какъ на завое-

ванный ими городъ, который долженъ доставить имъ большую добычу. Самъ же князь не могъ смотрѣть на старый Кіевъ, свою родину, такимъ образомъ; въ немъ онъ видѣлъ главный престолъ русской земли и не даромъ же стремился сюда изъ Новгорода. Варяги состояли у Владиміра на жалованьи и призваны были только для военныхъ цѣлей. Со взятіемъ Кіева служба ихъ прекращалась, и праздное буйное войско стало безпокоить гражданъ. «Городъ нашъ», говорили они Владиміру: «мы его взяли, такъ хотимъ брать окупъ на народѣ по двѣ гривны съ человѣка!» Князь не мало былъ озадаченъ такимъ заявленіемъ, но не рѣшался противиться буйнымъ Варягамъ силою Онъ обошелъ ихъ хитростью. Надѣясь въ самое скорое время собрать свое собственное русское войско и этимъ самымъ освободиться отъ наемныхъ дружинъ, князь сказалъ имъ: «Подождите мѣсяцъ, пока соберутъ деньги.» Въ это же время онъ имѣлъ въ виду лучшихъ изъ варяговъ склонить на свою сторону, чтобы пользоваться потомъ ихъ опытностью и знаніемъ въ военномъ дѣлѣ. Онъ могъ выбрать себѣ тѣхъ, которые ему были нужны, какъ предводители. Варяги славились своими военными подвигами на морѣ и на сушѣ; побѣды ихъ извѣстны были на Балтійскомъ морѣ; они уже сидѣли во многихъ мѣстахъ на Руси, ихъ же знали и въ Византіи. Поэтому весьма естественно, что Владиміръ не желалъ окончательно раздѣлаться съ пришедшими съ нимъ воинами; его могъ стѣснять только излишекъ ихъ. Вотъ почему помимо того, что князь не имѣлъ денегъ, онъ хотѣлъ задержать у себя варяговъ, но, конечно, не на долгое время. Расчетъ Владиміра удался вполнѣ. Прошелъ мѣсяцъ, другой, а варяги, не получая обѣщанной платы, привыкали къ русскому князю. Нѣкоторые изъ нихъ, пользовавшіеся привилегіей, успѣли свыкнуться съ новою жизнью, а другіе, скучающіе бездѣй-

ствіемъ, прямо сказали Владиміру: «обманулъ ты насъ, такъ отпусти въ Грецію!» Варяги, какъ видно, не пожелали возвратиться на сѣверъ. Сдѣлавши длинный путь до Кіева, они считали себя на дорогѣ въ заманчивую Византію, куда, конечно, шли не съ мирными цѣлями. Владиміръ не удерживалъ ихъ и, зная хорошо нравъ варяговъ, послалъ предупредить Византійскаго императора, которому нужно было, подобно Владиміру, позаботиться о своемъ городѣ. На южное войско Владиміръ не полагалъ большихъ надеждъ, и ему, во всякомъ случаѣ, нужны были лучшіе мужи. Подъ лучшими мужами разумѣлись люди наиболѣе способные къ военному дѣлу, иначе говоря—храбрѣйшіе. Этимъ-то достоинствомъ и отличалось сѣверное войско, почему великій князь, основывая на югѣ новые города, и старался заселять ихъ именно людьми изъ Чуди, Кривичей, Вятичей и др.

Первые годы княженія Владиміра въ Кіевѣ ознаменованы военными дѣлами князя, которыя онъ велъ то съ славянскими, то съ неславянскими племенами. Въ 981 году, онъ ходилъ войною въ Польшу и взялъ города ихъ Червень, Перемышль и др. Въ томъ же году онъ пошелъ на Вятичей и обложилъ ихъ данью. Это было не первое покореніе этого племени: Вятичи платили дань Кіеву еще при Святославѣ, но, вѣроятно, тѣ неурядицы, которыя произошли со времени ухода Святослава въ Болгарію, а также во время междоусобія малолѣтнихъ князей, дали полную возможность, какъ этому племени, такъ и Родимичамъ, отложиться отъ кіевской земли и прекратить прежнюю дань. Но въ 982 году Вятичи, а въ 986 Родимичи были окончательно подчинены Владиміру и составляли уже общую русскую землю подъ властью единаго князя кіевскаго.

Труднѣе пришлось Владиміру вести войну съ чужими не славянскими народами, а также съ южными кочевниками, каковыми были въ то время безпокойные Ятвяги и Печенѣги. Въ 983 году князь выступилъ противъ Ятвяговъ и одержалъ надъ ними побѣду. Можно думать, что эта побѣда была особенно цѣнима кіевлянами, такъ какъ послѣ нея и произошло то обстоятельство, которое мы передали при разсказѣ о мученической смерти варяговъ Θеодора и Іоанна.

Въ благодарность богамъ за успѣшный походъ требовалось принести самую высшую жертву, такою-же была — жертва человѣческая.

Изъ преданій видно, что и въ эти годы жизни Владиміра — его не оставлялъ своими совѣтами и руководительствомъ Добрыня. Хитрый дядя понималъ, что молодой, увлекающійся военными доблестями племянникъ можетъ повредить себѣ неумѣренной храбростью и жаждой военныхъ подвиговъ. Добрыня умѣлъ узнавать крѣпость и силу врага и умѣлъ также остановиться во-время, разсчетливо сохраняя свои силы. Въ 985 году Владиміръ отправился съ Добрынею на Болгаръ, хотя лѣтопись и не указываетъ точно, какіе это Болгары: дунайскіе или восточные, но по ходу событія можно думать, что это были Болгары, жившіе по Волгѣ. Народъ этотъ, благодаря торговымъ сношеніямъ и промышленности, не представлялъ собою дикаго населенія, несвязаннаго, подобно кочевникамъ, въ одно цѣлое; онъ уже обладалъ извѣстнаго рода политическою крѣпостью, а поэтому покореніе его не могло достаться русскому князю очень легко.

Тѣмъ не менѣе Владиміръ и Добрыня побѣдили Болгаръ. Но здѣсь и сказался практическій умъ хитраго дяди. По осмотрѣ плѣнниковъ, по-преданію, Добрыня сказалъ князю: «Та-

кіе не будутъ намъ давать дани: они всѣ въ сапогахъ, пойдемъ искать лапотниковъ». Слова Добрыни обозначали слѣдующее: этотъ народъ намъ легко не подчинится, владѣть имъ будетъ трудно, поищемъ по-проще. Добрыня, видимо, отдавалъ Болгарамъ преимущество и подъ лапотниками разумѣлъ тѣхъ, которые еще не поднялись на степень болѣе или менѣе цивилизованнаго народа и овладѣть которыми не составляло большаго труда. Владиміръ согласился съ опытнымъ дядей, и оба народа поклялись: «тогда только нарушить клятву, когда камень начнетъ плавать, а хмель тонуть.» Но почти всѣ указанные походы князя Владиміра были предприняты не съ цѣлью новыхъ завоеваній; всѣ его военныя движенія направлялись въ тѣ земли, которыя раньше того принадлежали уже кіевскимъ князьямъ, не только Святославу, но даже и его предшественникамъ.

Владиміръ держалъ себя, какъ мужественный воинъ, иногда увлекался военными подвигами до такой степени, что Добрыня долженъ былъ сдерживать его порывы и указывать своему племяннику на дѣйствительность похода побѣды. Тѣмъ не менѣе его нельзя назвать княземъ воинственнымъ, который ради войны забывалъ бы всѣ другіе интересы, подобно тому, какъ это дѣлалъ его отецъ Святославъ. Владиміръ собиралъ дань—ему нужны были средства для государства, которое въ предшествовавшие годы не могло имѣть ихъ, благодаря дѣятельности Святослава, странно относившагося къ русской землѣ. Въ деньгахъ Владиміръ нуждался, какъ мы видѣли и въ тотъ моментъ, когда ему нужно было распустить наемную варяжскую дружину. Этою цѣлью между прочимъ должно объяснить усиленные походы въ разныя стороны, что и доказывается словами Добрыни, который, послѣ побѣды надъ Болга-

рами, прямо заводитъ рѣчь о дани и, не ожидая отъ нихъ должной покорности, предлагаетъ Владиміру поискать дани въ другомъ мѣстѣ. Самое выраженіе Добрыни: «пойдемъ искать» указываетъ на то, что кіевскому князю нужны были деньги. Но и въ этомъ случаѣ Владиміръ не казался человѣкомъ корыстнымъ. Дань, наложенная имъ, была такая-же, какую вновь побѣжденные народы платили и прежде. Такъ Вятичи стали платить Владиміру столько же, сколько платили они и Святославу. Рядомъ съ заботами о денежныхъ средствахъ Владиміра занимала мысль объ укрѣпленіи своего государства, о сохраненіи покоя и главнымъ образомъ объ огражденіи страны отъ дикихъ кочевниковъ, съ которыми впослѣдствіи онъ и вступилъ въ борьбу. Главную опору въ защитѣ своихъ предѣловъ Владиміръ видѣлъ въ городахъ, а потому усиленно занялся сооруженіемъ безопасныхъ поселеній. Онъ самъ говорилъ: «худо, что мало городовъ около Кіева!» Этимъ онъ выражалъ мысль о всегдашней опасности, въ которой находилась столица княжества отъ варваровъ. Можно сказать, что Владиміръ не любитъ открытаго боя на полѣ сраженія; онъ охотно останавливался и иногда по-долгу подъ городами и даже самъ запирался въ городскихъ стѣнахъ. Самую дружину свою Владиміръ очень любилъ и щадилъ ее, онъ умѣлъ вызвать къ себѣ любовь со стороны своего войска и питалъ къ нему горячую привязанность. Дружина платила ему тѣмъ-же, она не оставляла его ни въ военныхъ, ни въ мирныхъ его дѣлахъ и готова была всегда на службу любимому князю.

Постройку городовъ Владиміръ производилъ по-преимуществу по берегамъ рѣкъ, таковы города по Деснѣ, Осетру, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ. Здѣсь соблюдалась двойная цѣль:

во-первыхъ, теченіе рѣкъ было наиболѣе удобнымъ мѣстомъ для поселеній, а во-вторыхъ, рѣки могли служить наилучшимъ путемъ для самихъ же дикихъ племенъ въ ихъ нападеніяхъ, а слѣдовательно здѣсь и нужно было дать первый отпоръ непріятелю. На водяные пути сами князья смотрѣли, какъ на удобныя военныя дороги—лодки они предпочитали конямъ и пѣшему ходу. Не говоря уже о баснословныхъ походахъ на ладьяхъ прежнихъ князей, замѣтимъ, что и Владиміръ въ войнѣ противъ Болгаръ отправился также на лодкахъ, при чемъ конницу его составляли Торки, одинъ изъ степныхъ народовъ.

Такимъ образомъ изъ начальной дѣятельности Владиміра, какъ великаго князя кіевскаго, мы видимъ въ лицѣ его человѣка, хотя и преданнаго языческимъ обычаямъ, суроваго и строгаго, но въ тоже время способнаго къ болѣе мягкимъ побужденіямъ. Нельзя не замѣтить того, что жестокость Владиміра, проявлялась въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ испытывалъ оскорбленіе, или узнавалъ, что замыселъ, направлялся противъ него лично. Невоспитанная натура князя не знала и не хотѣла знать никакихъ границъ своимъ желаніямъ; онъ домогался того, чего желалъ, и не обращалъ никакого вниманія, приносятъ ли его желанія другому человѣку страданія или нѣтъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда Владиміръ становился какъ князь, во главѣ интересовъ своей страны и своего народа, онъ являлся всегда заботливымъ, осторожнымъ и любящимъ свое отечество. Онъ любитъ свой старый городъ, безпокоится о томъ, чтобы пришедшіе съ нимъ Варяги не оказывали насилія надъ гражданами; думаетъ о томъ, что около Кіева мало городовъ и что къ нему, вслѣдствіе этого, открыты дороги отъ варваровъ. Какая противоположность въ мысляхъ и дѣйстві-

яхъ съ отцомъ его Святославомъ? Онъ любитъ свою дружину, не пускаетъ ея ради только военнаго пыла и удачи въ открытыя сраженія и нигдѣ не губитъ ея такъ, какъ погубилъ свое войско Святославъ у днѣпровскихъ пороговъ въ битвѣ съ Печенѣгами. Собирая дань съ побѣжденныхъ или лучше сказать съ возвращенныхъ русской землѣ народовъ, Владиміръ не былъ побѣдителемъ безжалостнымъ, корыстолюбивымъ, онъ бралъ дань, установленную раньше, до него. Совсѣмъ не то, что сдѣлалъ Игорь когда-то съ Древлянами, наложивши на нихъ дань больше той, какую они платили при Олегѣ. Къ Владиміру именно можно было отнести слова посланныхъ къ Ольгѣ древлянскихъ мужей, которые о своихъ князьяхъ сказали такъ: «наши князья добры, распасли Древлянскую землю». За грабежемъ мы Владиміра не видимъ нигдѣ, а что онъ желалъ «распасти» свою землю и поступалъ такъ, то это мы видимъ на каждомъ шагу. Преданіе не сохранило намъ ни одного разсказа изъ древности о мстительности нашего князя, подобнаго тому, какой оно передало о страшной мести Ольги, убившей вѣроломно беззащитныхъ древлянскихъ мужей. Владиміръ сдержалъ свой гнѣвъ и тогда, когда Рогнѣда занесла надъ нимъ свой ножъ и, по совѣту бояръ, только отослалъ ее отъ себя и построилъ ей городъ. И преданіе народное сохранило намъ память о Владимірѣ, какъ о любимомъ всѣми князѣ.

Самое язычество Владиміра и вся его дѣятельность въ этомъ направленіи свидѣтельствуютъ скорѣй о томъ, что князь поступалъ въ дѣлѣ возстановленія и украшенія идоловъ и въ гоненіи на христіанъ не столько по собственному замыслу, сколько въ угоду народнымъ желаніямъ. Не слѣдуетъ забывать того, что Кіевомъ Владиміръ овладѣлъ при помощи языч-

никовъ, которые не любили своего князя Ярополка именно за то, что въ немъ они не видѣли ярострнаго служителя своей религіи. И Владиміръ долженъ былъ на первыхъ порахъ удовлетворить народное требованіе. Но въ душѣ Владиміра не было глубокой и страстной преданности къ язычеству, онъ не исповѣдывалъ своей религіи такъ, какъ исповѣдывали его-же старѣйшины и бояре. Можно сказать, что къ ней онъ относился безразлично. Чѣмъ же какъ не этимъ отсутствіемъ устойчивости въ язычествѣ можно объяснить прежде всего громадный замыселъ князя креститься не только самому, но и крестить въ Кіевѣ весь свой народъ, всю свою землю.

О семейной жизни Владиміра въ это время ничего опредѣленнаго сказать нельзя. Мы, знаемъ, что у него было нѣсколько женъ и къ 988 году болѣе десяти душъ дѣтей, между которыми упоминаются двѣ дочери отъ Рогнѣды. Возрастъ дѣтей Владиміра опредѣлить чрезвычайно трудно, такъ какъ они были рождены отъ разныхъ женъ, и годы ихъ рожденія въ лѣтописи обозначены не точно. Даже не всѣ жены князя названы по именамъ, нѣкоторыя изъ нихъ названы только по національностямъ, къ которымъ онѣ принадлежали. Послѣ Оловы, жены Варяжской—по всей вѣроятности—первой жены Владиміра, слѣдуетъ Рогнѣда, затѣмъ Гречиня, вдова брата его Ярополка, за нею другая Чехиня, по имени Мальфрида, названная въ лѣтописи другой въ отличіи отъ первой Чехини, которою признается Олова, потомъ Адель или Адиль, дѣти которой, вѣроятно, были самыми младшими. Старшимъ сыномъ у Владиміра былъ Вышеславъ, сынъ Оловы, вторымъ должно признать Изяслава, сына Рогнѣды, третьимъ извѣстнаго Святополка сына первой Чехини, четвертымъ Ярослава, названнаго впослѣдствіи мудрымъ, также сына Рогнѣды, пятымъ

по отцу и матери брата Ярослава—Всеволода, шестымъ и седьмымъ были—Святославъ и Мстиславъ, матерей которыхъ лѣтопись называетъ перваго—Мальфриду, а втораго—Адель; далѣе намъ извѣстны имена Станислава, Судислава и Позвизда.

Мы не знаемъ, каково было отношеніе Владиміра къ его многочисленнымъ сыновьямъ. Изяслава, какъ было замѣчено раньше, Владиміръ отправилъ изъ Кіева вмѣстѣ съ его матерью Рогнѣдой еще въ младенческомъ возрастѣ. Можно думать, что не особенной любовью отца пользовался сынъ его Святополкъ, характеръ котораго такъ звѣрски обнаружился впослѣдствіи въ отношеніяхъ его къ братьямъ. Этотъ же Святополкъ одно время находился по свидѣтельству лѣтописца Дитмара подъ такимъ сильнымъ гнѣвомъ отца своего, что даже перенесъ заключеніе. Старшему сыну Вышеславу въ это время могло быть лѣтъ десять, и самому великому князю не было еще и тридцати.

Собирая все сказанное вмѣстѣ мы можемъ только замѣтить, что всѣ жены Владиміра были иностранки. Объ этомъ свидѣтельствуютъ и народныя пѣсни про Владиміра. Онъ женился по былинамъ на старшей дочери Ляховинскаго короля, привезенной Дунаемъ въ Кіевъ. При чемъ, какъ женихъ пользуется хорошей славою. Король Ляховинскій говоритъ: «За Владиміра можно дѣвка давать; хорошой женихъ, во славѣ, во нечести». Въ тѣхъ же пѣсняхъ женой Владиміра постоянно называется Апраксія дочь грознаго короля Эгмануйла Этмануйловича, тоже по-отцу иностраннаго происхожденія. Впрочемъ въ народныхъ разсказахъ упоминается довольно часто о завладѣніи княземъ и чужими, обыкновенно богатырскими, женами, такъ Владиміръ отнимаетъ жену у Данилы Ловчанина и друг. Наибольшее число дѣтей Владиміръ имѣлъ отъ Рогнѣды:

двѣ дочери, о которыхъ упоминаетъ лѣтопись были также рождены, отъ этой жены. Обѣ княжны эти, очевидно, оставались въ Кіевѣ. Во время борьбы Святополка съ Ярославомъ, противъ котораго шелъ также Болеславъ Польскій, обѣихъ сестеръ и неизвѣстную по имени мачиху Ярослава мы находимъ въ стольномъ городѣ. Этотъ Болеславъ еще раньше сватался за Предславу, дочь Владиміра, но получилъ отказъ, вѣроятно, за непріязненныя отношенія его къ русской землѣ. Въ настоящемъ же случаѣ Польскій король, уходя изъ Руси съ большой добычей и захвативъ имущество князя Ярослава, повелъ съ собою въ плѣнъ обѣихъ княженъ и на одной изъ нихъ, а именно на Предславѣ, женился насильственно въ Краковѣ. Но разсказанное обстоятельство относится уже ко времени послѣ смерти Владиміра, къ тѣмъ годамъ, когда старшимъ въ родѣ оставался князь Ярославъ. На его попеченіи были его сестры; онъ же отказалъ Болеславу въ рукѣ Предславы, его же извѣстила эта сестра о жестокостяхъ своего преступнаго брата Святополка, предупреждая объ опасности.

Болѣе существенныхъ подробностей о семьѣ Владиміра за то время, когда она еще не распалась, мы не имѣемъ.

Къ 986 году Владиміръ закончилъ свои болѣе или менѣе важные походы; онъ пріостановилъ свою тревожную дѣятельность на полѣ брани и могъ, успокоившись, сѣсть на своемъ престолѣ въ кругу многочисленной семьи и заняться дѣлами мира и порядка.

Великому князю въ это время могло быть, какъ мы сказали, лѣтъ тридцать. Онъ пришелъ именно въ тотъ возрастъ, когда, по словамъ древняго похвальнаго слова, онъ возму-

жалъ и укрѣпился силою, преисполнился разума и сталъ единодержцемъ земли своей, покоривъ окрестныя страны—однѣ миромъ, а другія, непокорливыя, мечемъ. Въ годы такой жизни и правленія землей въ правдѣ, мужествѣ и разумѣ сошло на него посѣщенія Всевышняго, смилосердилось надъ нимъ око Всеблагаго Бога и вселило разумъ въ сердце его, чтобы онъ уразумѣлъ суету идольской лести и взыскалъ бы единаго Бога, создавшаго все твореніе видимое и невидимое. Такъ говорилъ митрополитъ Иларіонъ вспоминая великаго князя.

Мы приближаемся къ тому событію въ исторіи нашей духовной жизни, равнаго которому не было и не могло быть на Руси. Значеніе этого событія такъ велико, обстоятельства, сопровождавшія его столь необыкновенны, величіе его настолько многозначительно, что въ совершеніи его не могли принимать участіе одни лишь человѣческіе разумъ и воля. Здѣсь соприсутствовала сила божественная; промыселъ непостижимый. Въ этомъ событіи, какъ въ древнюю ночь, по словамъ поэта, блеснулъ на всю Россію солнца вѣчнаго востокъ. Мы разумѣемъ крещеніе великаго князя и крещеніе русской земли. Въ характерѣ Владиміра, какъ это было видно до сего времени, складывались такія черты, которыя всецѣло подготовляли совершеніе значительнаго религіознаго подвига. Отбрасывая всѣ языческіе обычаи, которыхъ держался князь по требованію времени и обстановки, окружавшей его, оставляя въ сторонѣ его бурный нравъ и страсть къ многоженству, какъ слѣдствіе малой воспитанности и обычая, мы все-же въ немъ видимъ человѣка, способнаго перемѣнить свой образъ жизни на лучшій, готоваго выслушать разумное слово, и умѣющаго отличить доброе отъ злаго. Мы уже говорили о томъ, что Владиміръ не былъ закоренѣлымъ убѣжденнымъ язычникомъ; испо-

вѣданія своей религіи онъ не доводилъ до самоотверженія. Можно смѣло сказать, что оно не удовлетворяло умнаго князя, и твердаго непоколебимаго убѣжденія въ идолослуженіи у него не было. Добрыня въ этомъ отношеніи превосходилъ своего племянника, хотя по наружному виду, а Владиміръ только слѣдовалъ его наставленіямъ.

Но кто же повліялъ добрыми словами на нашего князя? Кто первый показалъ ему ничтожность того, что громаднымъ большинствомъ народа считалось еще святынею? Такого человѣка не было. Самъ князь силою своего ума постигъ ложь, которую почитали въ Кіевѣ и во всей Руси за истину. Идолы, можно сказать, доживали свои послѣдніе дни. Обновленіе Перуна, произведенное Владиміромъ въ Кіевѣ, было послѣднимъ празднествомъ въ честь кумира. И могъ ли князь, вступившп въ дѣятельныя сношенія съ христіанскими племенами, оставаться равнодушнымъ къ дѣлу религіи, столь различной у него въ Кіевѣ и у другихъ христіанскихъ народовъ. Могъ-ли онъ, имѣя сношенія съ Византіей, не вникнуть въ то, какъ молились Греки и какъ молились Кіевляне. Во время Олега и Игоря отношенія между Русью и Византіей опредѣлялись уже клятвенными договорами, причемъ люди Игоря клялись двоякимъ образомъ: одни передъ Перуномъ, другіе въ церкви Св. Иліи. Слѣдовательно, религія христіанская, пришедшая къ намъ изъ Византіи, имѣла уже большое значеніе, она признавалась правительственною властью. Но этого мало; Владиміръ въ своей же Руси, такъ сказать у себя дома, предъ своими собственными глазами видѣлъ достаточно примѣровъ тому, какъ исповѣданіе языческой вѣры мало-по-малу теряло свою крѣпость и силу. Въ княжескомъ роду кіевскихъ правителей до его княженія уже было нѣсколько христіанскихъ именъ.

Аскольдъ и Диръ жили въ памяти народной, могилы ихъ были извѣстны, а святая Ольга, названная Еленой, была по самому родству очень близка къ Владиміру, какъ его родная бабка. Слѣдовательно, изъ кіевскихъ князей только Олегъ, Игорь, Святославъ, да юный Ярополкъ оставались представителями язычества. Но при Игорѣ христіанство въ Кіевѣ уже имѣло свой храмъ; Святославу внушала, хотя безуспѣшно, христіанство святая Ольга, а характеръ Ярополка сложился подъ вліяніемъ христіанскихъ наставленій его бабки. Наконецъ тѣ мученическія смерти, которыя происходили на глазахъ у язычниковъ за исповѣдываніе христіанской вѣры, не могли проходить безслѣдно.

Въ душѣ Владиміра складывалось убѣжденіе, если еще не о превосходствѣ христіанскаго ученія надъ почитаніемъ Перуна, то во всякомъ случаѣ зарождалось сомнѣніе въ правотѣ кумирослуженія. Это сомнѣніе пришло къ Владиміру само собой, благодаря тому, что язычество, выражавшееся только во внѣшности, не давало ничего ни для ума, ни для серца. Но и самая внѣшность древне русскаго язычества была на столько груба и проста, что она не вызывала глубокаго религіознаго настроенія, не радовала чувства человѣка, не вызывала благоговѣйной надежды, не погружала въ размышленіе. Владиміръ же склоненъ былъ къ такимъ душевнымъ состояніямъ; онъ, какъ извѣстно, искалъ ихъ впослѣдствіи и находилъ именно въ христіанскомъ исповѣдываніи Бога. Мы знаемъ, что князь въ первый же годъ своего княженія занялся обновленіемъ идоловъ, онъ хотѣлъ придать этимъ богамъ возможный наружный блескъ, употреблялъ для этого и золото и серебро, ставилъ новыхъ истукановъ.

Но всего этого оказалось мало: и золото и серебро не

давали внутренняго содержанія язычеству; смысла все-таки въ деревянныхъ идолахъ лучшіе люди того времени не находили. А со стороны, и главнымъ образомъ, изъ Византіи шло вліяніе другаго рода. Оттуда приходило объясненіе цѣли и назначеніе человѣческой жизни, слово о духѣ и воздаяніе человѣку въ будущемъ за его кратковременное пребываніе на землѣ. Въ словахъ Ольги, съ которыми она обращалась къ Святославу, наставляя его въ христіанствѣ, должно отмѣтить весьма важное основаніе: «я, сынъ мой,» говорила она, «познала Бога и радуюсь, когда познаешь его и ты, такъ же возрадуешься!» Святая Ольга передавала сыну-язычнику свое духовное наслажденіе; она обѣщала ему радость, чего, конечно, мрачное язычество дать не могло. Мы указываемъ пока на причины, заставившія Владиміра поколебаться въ языческой религіи. Почему князь обратился именно къ христіанству и непремѣнно къ церкви Византійской это вопросъ другой. Въ томъ же Кіевѣ на ряду съ храмами христіанскими существовали храмы іудейскіе. Еврейское населеніе въ большомъ торговомъ городѣ было очень значительно; оно занимало въ Кіевѣ особую улицу, которая и носила названіе жидовской; евреи вели дѣятельную городскую торговлю и по древнимъ свидѣтельствамъ даже въ подрывъ русскимъ купцамъ. Законоучители ихъ старались внушить свое исповѣданіе кіевлянамъ и не рѣдко достигали своей цѣли, такъ что даже въ XI вѣкѣ противъ нихъ выступилъ съ своею проповѣдью Св. Ѳеодосій Печерскій. Евреи, какъ мы увидимъ ниже, не оставили и Владиміра въ то время, когда онъ готовился къ перемѣнѣ религіи. Но князь ихъ не послушалъ.

Въ продолженіи цѣлаго 986 года къ Владиміру является нѣсколько посольствъ отъ разныхъ странъ съ предложеніемъ

новой религіи. Предложенія эти шли съ четырехъ концовъ; отъ тѣхъ исповѣданій, которыя близки были къ Кіеву. Восточные сосѣди Болгары и Хозары прислали своихъ учителей; съ запада явились послы отъ Папы изъ Рима; изъ знакомой Византіи пришелъ греческій философъ.

Лѣтопись передаетъ намъ довольно подробно всю бесѣду, которую велъ Владиміръ лично съ приходившими въ Кіевъ вѣроучителями.

Первыми пришли магометане изъ волжской Болгаріи. Только въ прошломъ 985 году Владиміръ совершилъ свой походъ въ эту страну и заключилъ извѣстный клятвенный приговоръ о вѣчномъ мирѣ. Русскіе, какъ извѣстно, побѣдили Болгаръ, но, по совѣту Добрыни, не наложили на нихъ своего владычества. Съ своей стороны Болгары естественно признали въ лицѣ Владиміра русское могущество и искали, вѣроятно, болѣе тѣснаго союза, прочность котораго видѣли въ обращеніи русскихъ въ свою вѣру. Болгары говорили князю: «ты, князь, мудръ и смышленъ, но не знаешь истиннаго закона, прими вѣру нашу и поклонись Магомету.» Владиміръ, желая выслушать проповѣдниковъ въ подробности, спросилъ: «Въ чемъ заключается ваша вѣра?»

Послы отвѣчали: «Мы вѣруемъ въ Бога, а Магометъ учитъ насъ обрѣзанію, запрещаетъ намъ употреблять въ пищу свиное мясо и пить вино.» Будущую жизнь они видѣли въ раю, въ которомъ человѣка окружаютъ красивыя женщины.

Часть ученія магометанъ понравилась Владиміру; онъ видѣлъ и въ предлагаемой ему религіи освященіе многожен-

ства, которому былъ преданъ, какъ язычникъ, но многое ему и не нравилось въ этомъ ученіи, въ особенности онъ не соглашался съ запрещеніемъ пить вино.

Бесѣда съ магометанами окончилась ничѣмъ.

Въ скоромъ времени по словамъ лѣтописи пришли къ Владиміру нѣмцы. Подъ нѣмцами здѣсь разумѣются западные учители, пришедшіе отъ папы. Распространеніе католичества на западѣ въ IX и X вѣкѣ шло очень дѣятельно, въ особенности, когда оно стало подъ покровительствомъ императоровъ Карла и Оттона. Обращеніе въ христіанство Саксовъ и крещеніе западныхъ Славянъ являются важнѣйшими событіями въ исторіи католической церкви этого времени. Римскіе епископы и проповѣдники доходили иногда до границъ русской земли и старательно сѣяли здѣсь сѣмя католичества. Въ Швеціи, Норвегіи, Польшѣ и Венгріи они созидали свои храмы и стремились проникнуть въ Русь, которая, видимо, тяготѣла къ Византіи. Есть свидѣтельство, что одинъ изъ такихъ проповѣдниковъ, по имени Альбертъ, приходилъ въ Русь еще при великой княгинѣ Ольгѣ; а въ царствованіе императора Оттона III сюда былъ присланъ нѣкто миссіонеръ Бруно. Слѣдовательно, приходъ нѣмцевъ къ Владиміру не былъ новостью; это было только продолженіемъ раньше начатаго дѣла, которое тѣмъ не менѣе для Рима окончилось безъ успѣха.

Нѣмцы сказали Владиміру: «мы пришли къ тебѣ отъ Папы, который велѣлъ сказать: «земля твоя такая-же, какъ и наша, но вѣра ваша иная. Наша вѣра есть свѣтъ; мы кланяемся Богу, который сотворилъ небо и землю, мѣсяцъ и звѣзды и всякое живое существо, а ваши боги—дерево».—Въ чемъ же ваша заповѣдь?—спросилъ Владиміръ пословъ.

«Постъ по силѣ, сказали они, кто естъ и пьетъ что,—то во славу Божію, говоритъ учитель нашъ Павелъ.» Слова римскихъ пословъ не произвели на Владиміра впечатлѣнія и князь не продолжалъ съ ними бесѣды.

«Идите обратно», сказалъ онъ имъ, «отцы наши не приняли этого ученія». Въ этомъ отвѣтѣ уже слышится свидѣтельс о того, что римское ученіе доходило до Кіева раньше, только «отцы наши», по словамъ Владиміра, не приняли его.

Третьими пришли Евреи изъ Хазарской земли.

«Мы слышали, говорили они Владиміру, что къ тебѣ приходили Болгары и Христіане и уговаривали тебя принять законъ ихъ. «но христіане вѣруютъ въ Того, Котораго мы распяли, а мы вѣруемъ въ Бога истиннаго, въ Бога Авраама, Исаака и Іакова.»

—А гдѣ ваше отечество? спросилъ князь евреевъ.

«Въ Ерусалимѣ, отвѣчали они: но Богъ за грѣхи отцовъ нашихъ лишилъ насъ отечества и разсѣялъ насъ по всей землѣ».

Такимъ признаніемъ Евреи не могли склонить сильнаго князя русскаго на свою сторону и онъ сказалъ имъ:

«Какъ же вы учите другихъ, будучи сами отвержены отъ Бога, если бы Богъ любилъ васъ и законъ вашъ, вы бы не были, конечно, расточены по чужимъ землямъ: ужели того-же вы желаете и намъ?

Этимъ закончилась бесѣда съ Хазарскими евреями.

Разбирая сущность приведенныхъ разговоровъ Владиміра съ приходившими къ нему вѣроучителями, мы замѣчаемъ, что наиболѣе существенная причина въ отказѣ относится къ предложенію магометанъ и іудеевъ. Князь дорожилъ обычаемъ

и привычками своей страны, онъ самъ, какъ хозяинъ, пировавшій въ кругу своей дружины, не могъ отказаться отъ того, что составляло, по его словамъ, «веселіе Руси». Самый чувственный рай Магомета не могъ отвлечь Владиміра, какъ выражается народная поэзія, отъ «чары зелена вина». Пиры Владиміра нравились всему народу, ихъ любили его славные богатыри, а объ нихъ князь не могъ не думать. Страннымъ показалось Владиміру и желаніе Евреевъ. Могъ-ли князь, собиравшій свою землю, сдѣлавшійся единымъ повелителемъ Руси, склониться на ученіе тѣхъ, которые сами разсѣялись по чужимъ землямъ? Политическое могущество было одною изъ заботъ великаго князя: крѣпость и сила страны были цѣлью его правленія и гордому Владиміру не могли понравиться слова народа, потерявшаго свое отечество. Римскимъ учителямъ Владиміръ, если и не выразилъ личнаго сочувствія ихъ ученію, то и не объяснилъ имъ своего личнаго нежеланія принять ихъ вѣру. Онъ сослался на отцовъ своихъ, и это было для него достаточнымъ основаніемъ отказа.

Кого же разумѣлъ Владиміръ подъ именемъ отцовъ? Прежде всего, надобно полагать, бабку свою, княгиню Ольгу, къ которой, какъ мы сказали, являлся римскій проповѣдникъ Альбертъ. Но для насъ важно то, что Владиміръ ссылался на дѣла предковъ, что въ прошломъ своей земли онъ видѣлъ основанія и указанія собственной дѣятельности. Князю неизвѣстны еще были причины, заставившія Ольгу принять христіанство по Византійскому образцу, но онъ и не искалъ пока этихъ причинъ. Дѣло же Ольги, какъ мы знаемъ тоже было однимъ изъ важнѣйшихъ удостовѣреній для самаго Владиміра въ истинѣ греческаго закона—хотя нѣсколько лѣтъ тому назадъ Владиміръ самымъ жестокимъ образомъ гналъ христіан-

ство, разрушалъ то, о чемъ заботилась его святая бабка, тѣмъ не менѣе это гоненіе не обнаруживало обдуманной ненависти князя противъ греческаго исповѣданія; ревность къ язычеству, поддерживаемая въ князѣ сторонними, совсѣмъ не религіозными, соображеніями, мало-по-малу улеглась, и Владиміръ сталъ доступенъ для увѣщеванія отъ пословъ четырехъ національностей.

Наконецъ въ воззрѣніяхъ князя могъ произойти переломъ подобно тому, какой произошелъ въ душѣ великаго учителя церкви св. Апостола Павла, который изъ яростнаго язычника, сдѣлался ревностнымъ и кроткимъ христіаниномъ.

Изъ Греціи въ Кіевъ прибылъ философъ, который сказалъ Владиміру: «мы слышали, что къ тебѣ приходили Болгары и другіе учители ..» Этими словами греческій философъ объяснилъ причину и цѣль своего прихода. Въ краткомъ изложеніи онъ передалъ Владиміру сущность христіанскаго закона, древнія пророчества объ Іисусѣ Христѣ, о Его рожденіи, смерти на крестѣ и воскресеніи. Разговоръ учителя настолько заинтересовалъ Владиміра, что князь принимаетъ участіе въ рѣчи и задаетъ ему вопросъ: «чего ради сошелъ Богъ на землю и пришелъ на такія страшныя мученія?» Грекъ начинаетъ съ древнѣйшаго библейскаго разсказа о шестидневномъ твореніи и кончаетъ свою бесѣду картиной страшнаго суда. Чтобы произвести большее впечатлѣніе на заинтересовавшагося язычника, философъ развернулъ передъ нимъ принесенную картину суда и показалъ ему мѣсто праведниковъ, идущихъ съ веселіемъ въ рай, и мѣсто грѣшниковъ, направляющихся на вѣчное мученіе. Князь тронутъ былъ до глубины души, онъ какъ бы проникся сознаніемъ своего грѣха и со вздохомъ сказалъ: «добро тѣмъ, которые стали по правую

сторону и горе тѣмъ, мѣсто которыхъ на лѣвой!» Проповѣдникъ уловилъ минуту и сказалъ князю: «крестись и ты будешь вмѣстѣ съ праведниками».

Такъ закончилась бесѣда съ греческимъ учителемъ. Князь одарилъ посла и отпустилъ его съ честью.

Но Владиміръ не поставилъ рѣшенія на личномъ впечатлѣніи. Ему важно было знать, что скажутъ старцы и его дружина по вопросу, который имѣлъ государственное значеніе. Осмотрительный князь пожелалъ посовѣтоваться, обдумать предложенія всѣхъ посольствъ, и выбрать наилучшее по общему рѣшенію. Изъ того пріема, какой оказалъ Владиміръ посламъ, можно замѣтить, что мысль его остановилась на послѣднемъ предложеніи, но личнаго заключенія для князя было недостаточно. Это одна изъ важныхъ чертъ въ характерѣ нашего князя. Къ совѣту съ дружиной, князь обращается, не одинъ разъ, рѣшеніе, такъ сказать, сообща онъ считалъ болѣе крѣпкимъ и основательнымъ.

Въ 987 году на совѣтѣ съ старцами и боярами князь изложилъ всѣ основанія вѣроученій, предложенныхъ ему послами отъ Болгаръ, Евреевъ, отъ Папы и грековъ. Всего больше Владиміръ говоритъ о греческомъ ученіи, которое «любо комуждо слушати».

«Что скажете?» спросилъ онъ наконецъ своихъ старцевъ.

Бояре и старцы отвѣтили: «Если желаешь доподлинно разузнать, то пошли своихъ мужей—пусть отвѣдуютъ законъ и службу Богу у каждаго изъ народовъ». Рѣчь эта понравилась князю и онъ отправилъ отъ себя пословъ сначала къ Болгарамъ, затѣмъ къ Нѣмцамъ и отъ нихъ уже къ Грекамъ.

Почему то князь не послалъ своихъ мужей къ Евреямъ. Быть можетъ для князя казалось несовмѣстимымъ сравнивать ученіе іудейское съ христіанскимъ. Тотъ, Кого Іудеи не признали и Кого распяли, для христіанъ сталъ истиннымъ Богомъ. Противоположность разительная и слишкомъ очевидная. Къ тому же Евреи ничѣмъ не заинтересовали князя и проповѣдь философа отъ Грековъ, пришедшаго послѣ Евреевъ, окончательно овладѣла чувствомъ Владиміра.

Русскіе послы возвратились, исполнивши порученіе своего князя въ томъ же году.

Снова созываетъ Владиміръ бояръ и старцевъ и, какъ прежде, желаетъ выслушать ихъ въ совѣтѣ. Послы разсказали все, что они видѣли у Болгаръ, Нѣмцевъ и у Грековъ во Царьградѣ. Они не могли прійти въ себя отъ того великолѣпія и торжественности, которыя видѣли въ Византіи. Послы не умѣли передать своего впечатлѣнія иными словами, какъ только сказавши: «мы не знаемъ, гдѣ мы были: на небѣ или на землѣ; да можетъ-ли быть такая красота на землѣ, мы не можемъ забыть этой красоты; всякій вкусивши сладкаго не захочетъ горькаго, такъ и мы не хотимъ здѣсь оставаться.» «Здѣсь оставаться» означало оставаться въ Кіевѣ въ язычествѣ. Послѣ такого разсказа довѣренныхъ лицъ могло-ли удержаться въ душѣ Владиміра и его бояръ какое-либо сомнѣніе. И бояре сказали: «Если-бы законъ греческій былъ нехорошъ, то бабка твоя Ольга не приняла бы его, а она мудрѣйшая изъ людей».

Слово было за Владиміромъ и князь рѣшилъ совѣщаніе прямо поставленнымъ вопросомъ: «Гдѣ-же принять намъ крещеніе?»—Гдѣ тебѣ угодно!» Отвѣчали полнымъ согласіемъ бояре.

И такъ оставалось одно послѣднее дѣло: выбрать время и мѣсто крещенія.

Интересно остановиться на томъ, что испытывалъ въ душѣ своей Владиміръ въ эти моменты, по истинѣ, важнѣйшаго рѣшенія въ его жизни. До сего времени у него не было столь великаго замысла. Самое большое его дѣло было вступленіе въ Кіевѣ на престолъ своего отца; и мы видимъ, какъ осторожно шелъ князь къ этой цѣли. Вслѣдъ за посланнымъ Ярополку извѣщеніемъ: «идите къ брату моему—да знаетъ онъ, что я противъ него вооружаюсь, и да готовится отразить меня», Владиміръ медлитъ нападеніемъ на Кіевъ хотя знаетъ, что у брата нѣтъ сильнаго войска; онъ останавливается вблизи города, не брезгаетъ самыми низкими предложеніями и предательскими совѣтами,—лишь бы достичь желаемаго. Князь хорошо понималъ, что въ случаѣ неудачи ему могла грозить участь Рогвольда или участь, постигшая злосчастнаго Ярополка. Но во всемъ этомъ дѣло касалось земнаго, временнаго счастья; какъ язычника, оно могло удовлетворить Владиміра въ полной мѣрѣ. Здѣсь-же, въ вопросѣ религіи, дѣло касалось вѣчнаго счастья, радости не только на землѣ, но и на небѣ.

Если бы Владиміръ дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ по увлеченію, подъ непосредственнымъ вліяніемъ проповѣди греческаго философа, то зачѣмъ ему было такъ долго, въ продолженіи двухъ лѣтъ, тянуть испытаніе своихъ желаній и тѣмъ самымъ ослаблять силу полученныхъ впечатлѣній? Дѣло касалось не только лично самого Владиміра, но и всей земли. Нужно было убить то, къ чему привыкъ народъ изстари, окончательно сокрушить вѣковыя вѣрованья и религіозныя преданія и начать самому со всею землею новую жизнь. Естественно, что князь при рѣшеніи этого вопроса духа не могъ

не испытывать нѣкотораго волненія и, можетъ быть, борьбы. Въ далекомъ и многовѣковомъ прошломъ стоялъ освященный временемъ и недавно обновленный самимъ же Владиміромъ Перунъ съ кровавыми человѣческими жертвами, свидѣтельствомъ усердія почитанія боговъ, а въ будущемъ, только по обѣщанію посланника изъ чужой страны, невѣдомый и малопонятный для язычника рай. Въ этомъ раю человѣкъ наслѣдуетъ царство небесное, красоту неизрѣченную, веселіе безъ конца и жизнь вѣчную.

Въ этомъ же будущемъ рисовалась грозная картина страшнаго суда.

Владиміръ не взялъ на себя единоличнаго рѣшенія вопроса; онъ созываетъ на совѣтъ своихъ старцевъ и бояръ, посылаетъ для испытанія вѣры избранныхъ мужей въ чужія страны, снова совѣщается съ боярами и старцами и ищетъ возможно больше осязательныхъ доказательствъ правоты предлагаемаго ученія, не забывая въ то-же время послать своихъ мужей къ магометанамъ. Осторожность понятная.

Владиміръ такъ занятъ этимъ вопросомъ, что оставляетъ въ сторонѣ всѣ другія дѣла и во всякомъ случаѣ дѣла военныя. Изъ хода всего дѣла легко замѣтить, что Владиміръ въ душѣ своей остановился на греческомъ ученіи. Его особенно тронулъ разсказъ византійскаго посла, и князь, не забывая отправить своихъ мужей въ другія страны, интересовался тѣмъ, что принесутъ ему изъ Греціи. Есть много основаній къ такому предположенію. Владиміръ зналъ, что бабка его приняла законъ греческій, князь не могъ забыть того, что мученики варяги Ѳеодоръ и Іоаннъ, погибая подъ развалинами сѣней своего дома, исповѣдывали именно греческаго Бога, наконецъ онъ видѣлъ

между воинами своей же дружины не мало христіанъ. Все это, взятое вмѣстѣ, безъ сомнѣнія, внушало Владиміру расположеніе къ греческому ученію преимущественно.

Сверхъ того, должно замѣтить, что въ этомъ дѣлѣ имѣли нѣкоторое значеніе и другія обстоятельства не религіознаго характера. Византія была могущественна, богата, образована, оттуда вышли знаменитые братья Кириллъ и Мефодій. Императоры византійскіе давно вели сношенія съ Русью. Поддерживать эти отношенія для Владиміра было очень важно и скрѣпить ихъ самою святою связью—религіей могло явиться у русскаго князя непремѣннымъ желаніемъ. Хотя между язычествомъ и христіанствомъ лежала громадная разница, но Владиміръ готовъ былъ сдѣлаться изъ великаго язычника и грѣшника великимъ христіаниномъ и праведникомъ. Въ душѣ его могъ вмѣститься залогъ пониманія истиннаго Бога; его мысль и чувства были открыты для этого сознательно, и онъ, по слову Евангелія «могій вмѣстити да вмѣститъ», вмѣстилъ въ себѣ заповѣдь новаго завѣта свободно и безъ принужденія.

Принятіе крещенія Владиміромъ совершилось въ 988 году при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ этомъ году русскій князь выступилъ войною въ нынѣшній Крымъ на греческій городъ Корсунь, лежавшій недалеко отъ нашего Севастополя. Жители города не могли вести открытаго сраженія съ русской дружиной и затворились въ своихъ стѣнахъ, а Владиміръ велѣлъ дѣлать около города насыпь. Корсунцы же постоянно разрушали этотъ валъ такимъ образомъ: они подкопали городскую стѣну и уносили насыпаемую землю въ городъ. Тѣмъ не менѣе князь объявилъ, что будетъ стоять подъ городомъ три года и не отступитъ отъ намѣренія взять его. Тогда одинъ грекъ именемъ Анастасъ, какъ говоритъ пре-

даніе, пустилъ въ станъ къ Владиміру стрѣлу, на которой была такая надпись: «за тобой, съ восточной стороны, лежатъ колодцы, отъ нихъ вода идетъ по трубѣ въ городъ: перекапай и перейми ее.» Владиміръ воспользовался этимъ извѣщеніемъ и, взглянувъ на небо, сказалъ: «если это сбудется, я крещусь». Тотчасъ же велѣно было исполнить совѣтъ Анастаса, и жители Корсуня, оставшись безъ воды, которая была отведена въ другую сторону, сдались истомленные жаждой. Владиміръ достигъ своего намѣренія — взять городъ, теперь ему оставалось исполнить свое обѣщаніе. Онъ отправилъ пословъ въ Византію къ императорамъ Василію и Константину съ такими словами: «Я взялъ вашъ славный городъ: слышу, что у васъ сестра въ дѣвушкахъ, если не отдадите ее за меня, то и съ вашимъ городомъ будетъ то-же, что съ Корсунемъ». Императоры встревожились такимъ извѣщеніемъ и угрозою, но не дали полнаго согласія на требованіе русскаго князя, такъ какъ сестра ихъ, какъ христіанка, не могла выйти за язычника и отвѣтили Владиміру: «не слѣдуетъ христіанамъ отдавать родственницъ своихъ за язычниковъ, но если крестишься, то и сестру нашу получишь и вмѣстѣ царство небесное и съ нами будешь единовѣрникъ, если же не хочешь креститься, мы не можемъ выдать сестры за тебя».

Такимъ образомъ Владиміръ услыхалъ еще разъ слово о царствіи небесномъ; это слово исходило отъ самихъ императоровъ, съ которыми князь, въ случаѣ его крещенія, будетъ единовѣрникомъ. И Владиміръ, не колеблясь, отвѣчалъ императорскимъ посламъ: «скажите, что я крещусь; я еще прежде испыталъ вашъ законъ, и люба мнѣ ваша вѣра и служеніе, о которыхъ мнѣ разсказывали посланные нами мужи». Царямъ оставалось склонить свою сестру Анну на замужество по предло-

женію Владиміра, но долго не соглашалась царевна идти въ русскую страну за князя Владиміра, о которомъ, конечно, она знала раньше. «Точно въ плѣнъ иду», говорила она братьямъ: «лучше бы мнѣ здѣсь умереть». Но цари убѣждали ее такъ: «А что если Богъ обратитъ тобою русскую землю въ покаяніе, а греческую землю избавитъ отъ лютой рати; видишь, сколько зла надѣлала Русь грекамъ? И теперь, если не пойдешь, будетъ то-же». Владиміръ же, получивъ отвѣтъ изъ Византіи о томъ, что онъ долженъ креститься, чтобы взять за себя царевну Анну, приказалъ сказать императорамъ: «Пусть тѣ священники, которые прійдутъ съ сестрой вашей, крестятъ меня». Анна согласилась на увѣщеванія братьевъ, простилась съ родными и со слезами отправилась на корабль вмѣстѣ съ духовенствомъ въ Корсунь.

Здѣсь она была принята въ торжественной встрѣчѣ жителями города и осталась ожидать крещенія Владиміра. Но князь въ это время заболѣлъ глазами до такой степени, что потерялъ даже зрѣніе. Язычникъ ослѣпъ какъ бы для того, чтобы прозрѣть въ новомъ законѣ, увидѣть міръ просвѣтленными глазами. Для него насталъ мракъ, который похоронилъ въ себѣ все старое и лживое, но для него же настанетъ вскорѣ ясное утро, когда онъ увидитъ солнце правды и благодати. Царевна, узнавъ о слѣпотѣ жениха своего, приказала ему сказать: «Если хочешь исцѣлиться отъ болѣзни, то крестись поскорѣй, если же не крестишься, то и не вылѣчишься.» «Если въ самомъ дѣлѣ такъ случится», воскликнулъ Владиміръ: «то по-истинѣ великъ будетъ Богъ христіанскій». Затѣмъ онъ приказалъ приготовлять необходимое для крещенія и принялъ свое духовное обновленіе отъ рукъ Епископа корсунскаго и прибывшихъ съ царевною священниковъ. Въ моментъ креще-

нія, когда на него были возложены руки крестившихъ его, князь мгновенно прозрѣлъ. Пораженный и обрадованный Владиміръ сказалъ: «теперь только узналъ я истиннаго Бога!» Въ святомъ крещеніи Владиміръ получилъ имя Василія. Такъ совершилось великое дѣло; Владиміръ возвращался въ Русь христіаниномъ, на кіевскій престолъ теперь вступалъ князь христіанинъ, могущественный и любимый народомъ повелитель русской земли. Обращеніе въ христіанство Владиміра, конечно, имѣло неизмѣ[illegible] большее значеніе, чѣмъ обращеніе Ольги. Великая княгиня, ставши христіанкой, не была полновластной повелительницей въ своей землѣ, она могла только просить и просила своего сына Святослава за христіанъ. Владиміръ же могъ дѣйствовать по своей волѣ безпрепятственно.

Вслѣдъ за крещеніемъ тутъ-же въ Корсунѣ былъ совершенъ бракъ Владиміра съ Анною и князь съ княгиней отправились въ Кіевъ. При этомъ Владиміръ взялъ съ собою корсунскихъ священниковъ, грека Анастаса, велѣлъ перенести образа въ свою столицу, мощи св. Климента и Фива, церковные сосуды и иконы, а городъ возвратилъ грекамъ. Вѣроятно въ это время въ Русь прибылъ и митрополитъ Михаилъ, который назначенъ былъ сюда изъ Византіи управлять новою русскою церковью. Первою заботою великаго князя, по прибытіи въ Кіевъ, было, конечно, крещеніе сперва своихъ сыновей, а затѣмъ всего народа. Какъ христіанинъ Владиміръ теперь не могъ имѣть при себѣ нѣсколькихъ женъ. Въ слѣдующемъ трогательномъ разсказѣ мы увидимъ, какъ относится къ этому самъ князь.

Оставленная еще раньше Владиміромъ Рогнѣда, получила отъ него такое извѣщеніе: «я крестился и принялъ законъ

и вѣру христіанскую, по закону этому я могу имѣть только одну жену, которую я привезъ съ собою. Избери себѣ изъ моихъ вельможъ, кого ты желаешь, и я сочетаю тебя съ нимъ». Но Рогнѣда отвѣчала Владиміру: «или ты одинъ только желаешь воспринять царство на землѣ и на небѣ, а мнѣ не хочешь дать ни того, ни другаго. Ты отступился отъ служенія идоламъ, я же, бывши царицей, не хочу стать рабыней земному царю, но желаю сдѣлаться невѣстой Христа и воспринять ангельскій образъ». Сынъ ея, Ярославъ, будучи съ дѣтства калѣкой, не встававшій на ноги, слыша слова матери, вздохнулъ со слезами на глазахъ и сказалъ: «О, мать моя! во истину ты царица между царицами и госпожа между госпожами!..». Съ этими словами онъ всталъ на ноги. Рогнѣда же дѣйствительно постриглась въ монастырь и была названа Анастасіей. Слова Рогнѣды еще разъ подтверждаютъ, что въ Кіевѣ христіанство было значительно распространено и женѣ князя оно было близко знакомо.

Чтобы водворить христіанство въ своей землѣ, Владиміру предстояло прежде всего ниспровергнуть языческіе кумиры, которые стояли еще на видныхъ мѣстахъ города. Князь начинаетъ уничтожать то, что такъ недавно и старательно воздвигалъ въ угоду народамъ. Онъ приказываетъ уничтожать идоловъ—однихъ сокрушая топоромъ, другихъ предавая огню. Идолъ главнаго божества—Перунъ подвергается посмѣянію въ особенности; князь приказалъ привязать его къ хвосту лошади и такимъ образомъ стащить его внизъ подъ гору къ рѣкѣ, причемъ истукана били палками. Затѣмъ его сбросили въ Днѣпръ и предоставили теченію рѣки. Нѣсколько человѣкъ были назначены для того, чтобы отталкивать его отъ берега, въ случаѣ онъ будетъ куда нибудь за-

несенъ теченіемъ, и такъ провожать его до днѣпровскихъ порововъ. Здѣсь оставили идола на волю вѣтра и волнамъ. Съ горемъ и плачемъ смотрѣли язычники на поруганнаго бога, но они не въ силахъ были возстановить его и дать ему прежнее почитаніе.

Послѣ этого Владиміръ приказалъ, чтобы всѣ жители Кіева въ назначенное время сошлись къ Днѣпру, для принятія здѣсь общаго крещенія; къ этому князь прибавилъ: «если кто не придетъ къ рѣкѣ—богатый и знатный, нищій и рабочій, тотъ будетъ противъ меня!» Народъ не могъ противиться своему князю и шелъ по слову его къ Днѣпру, онъ говорилъ: «если бы это дѣло не было добрымъ, то князь и бояре его-бъ не приняли!». Утромъ въ назначенный день князь въ сопровожденіи духовенства торжественно вышелъ на Днѣпръ, у котораго собрался уже народъ, по словамъ лѣтописи, безъ числа. Люди вошли въ воду, одни погрузились по шею, другіе по грудь, дѣтей брали на руки, а священники на берегу читали молитвы. Великолѣпная святая картина! Русь крестилась во Христа, Русь начинала новую жизнь! Она просвѣщалась и готовилась въ этомъ дѣяніи къ познанію всего міра.

Послѣ кіевскаго крещенія совершились крещенія въ другихъ городахъ. Въ Новгородѣ это дѣло князь поручилъ Добрынѣ въ 990 году. Но здѣсь народъ встрѣтилъ приказаніе князя враждебно. Упорные въ язычествѣ новгородцы собрали совѣтъ и поклялись не допустить Добрыню къ идоламъ. Они встрѣтили его съ оружіемъ въ рукахъ, разметали мостъ на Волховѣ и рѣшились силою защищать своихъ боговъ. Жрецъ ихъ Богомилъ, прозванный за свое краснорѣчье Соловьемъ, поддерживалъ неистовство народа и предостерегалъ ихъ отъ покорности на ласковую рѣчь Добрыни. Такъ прошло два дня и люди, при-

шедшіе съ Добрыней, оставались на торговой сторонѣ города. Самъ тысяцкій новгородскій Угоняй, разъѣзжая на конѣ, воодушевлялъ толпу и довелъ ее до такой ярости, что она набросилась на домъ Добрыни, разграбила его имущество и избила его семейство. Тогда пятьсотъ разставленныхъ мужей подъ начальствомъ Владимірова тысяцкаго Путяты ночью переправились черезъ рѣку на ту сторону выше города, схватили самого Угоняя и послали извѣстить объ этомъ Добрыню. Но въ это время произошла сѣча между жителями этой стороны Новгорода и войскомъ Путяты; христіане подверглись грабежу, а съ этимъ вмѣстѣ была разрушена и бывшая здѣсь церковь Преображенія Господня. Утромъ на разсвѣтѣ подоспѣлъ Добрыня и приказалъ поджечь стоящія у берега жилища. Пламя пожара испугало жителей, они бросились спасать свои дома и имущество, и распря прекратилась. Добрыня далъ миръ жителямъ и приступилъ къ низверженію идоловъ. Съ тою же страстью, онъ сокрушалъ теперь истукановъ, съ какою нѣсколько лѣтъ тому назадъ воздвигалъ ихъ. Напрасно молили его мужи и плакали женщины. Дерево онъ предалъ сожженію, а камни побросалъ въ воду. Съ того времени сложилась пословица. «Путята крестилъ мечемъ, а Добрыня огнемъ». Затѣмъ новгородцамъ приказано было собраться къ рѣкѣ и здѣсь насильственно принять крещеніе. Впослѣдствіи была возстановлена и разрушенная церковь Преображенія. Но кромѣ Добрыни и Путяты, дѣйствовавшихъ такъ жестоко, много способствовалъ крещенію новгородцевъ и посадникъ ихъ по имени Воробей, сынъ Стояновъ, воспитанный при Владимірѣ. Своимъ краснорѣчивымъ словомъ онъ успѣлъ убѣдить многихъ въ правотѣ христіанскаго ученія и мирно склонить ихъ къ крещенію.

Таинство крещенія здѣсь совершилъ епископъ Іоакимъ. Путята же, окончивъ свое дѣло, отправился въ Кіевъ, а Добры-

ня, очевидно, остался въ Новгородѣ. Хитрый и лукавый старикъ не могъ утвердить христіанство въ Новгородѣ такъ спокойно, какъ это сдѣлалъ въ Кіевѣ князь Владиміръ. Дѣло въ томъ, что онъ никогда не пользовался народною любовью и слово его не могло имѣть большаго вліянія; совсѣмъ не то мы видимъ въ князѣ Владимірѣ, котораго народъ любитъ и которому вѣритъ.

Память о Добрынѣ оставалась въ Новгородѣ очень долгое время и никогда въ ней этотъ человѣкъ не представлялся съ хорошей стороны. Въ немъ народъ видѣлъ человѣка жестокаго и дѣйствовавшаго несправедливо, и въ язычествѣ и въ христіанствѣ корыстолюбиваго. Вотъ какой вымышленный разсказъ сложился впослѣдствіи о его смерти: однажды нѣмцы прислали въ Новгородъ пословъ отъ своихъ 70 городовъ съ просьбой позволить имъ поставить въ Новгородѣ церковь по своей вѣрѣ и по своему обычаю. Новгородцы не соглашались на эту просьбу и сказали посламъ: «какъ тьма не подходитъ къ свѣту, такъ не пристойно быть вашей церкви въ нашемъ городѣ». Добрыня-же, бывшій въ то время посадникомъ, говоритъ преданіе, получивъ отъ нѣмцевъ большую взятку, научилъ ихъ сказать купцамъ новгородскимъ слѣдующее: «если вы не дозволите быть нашей церкви въ Новгородѣ, то и вашимъ церквамъ не быть въ нашихъ городахъ». Услыхавъ такія слова, купцы новгородскіе стали сами просить архіепископа, чтобъ онъ позволилъ нѣмцамъ построить церковь въ Новгородѣ по ихъ закону и обычаю. Самъ Добрыня поддерживалъ купцовъ и говорилъ: «плохо будетъ нашимъ торговымъ людямъ, если нашихъ церквей не будетъ въ землѣ нѣмецкой. Архіепископъ далъ свое согласіе и выборъ приличнаго мѣста предоставилъ посаднику. Нѣмцы выбрали

мѣсто посреди города на торгу, гдѣ стояла церковь св. Іоанна Предтечи. Посадникъ Добрыня, ослѣпленный мздою и наученный діаволомъ, велѣлъ церковь св. Предтечи снести на другое мѣсто, а здѣсь разрѣшилъ нѣмцамъ строить свою божницу. Предтеча же Господень не стерпѣлъ навѣта врага и его злаго послушника, который насмѣялся надъ святымъ храмомъ ради корысти. Въ ночь пономарь этой церкви услышалъ голосъ, говорившій ему: «завтра, въ три часа дня, иди на большой мостъ и позови новгородцевъ посмотрѣть чудо, которое совершится надъ посадникомъ Добрынею.» На утро пономарь исполнилъ то, что ему говорилъ голосъ ночью, и вскорѣ на мостъ сошлось множество народа. Въ тотъ-же часъ, когда Добрыня возвращался съ своими людьми съ вѣча къ себѣ домой въ лодкѣ черезъ Волховъ, вдругъ поднялся ужасный вихрь. Буря подняла лодку на высоту болѣе двухъ саженъ и ударила ее о воду въ глазахъ всего народа. Добрыня пошелъ ко дну, а бывшихъ съ нимъ людей успѣли спасти перевозчики. Только помощью неводовъ и сѣтей вытащили тѣло посадника изъ воды. За свое же лукавство, такъ оканчивается разсказъ, Добрыня, какъ утопленникъ и наказанный Богомъ, не получилъ должнаго христіанскаго погребенія.

Пусть этотъ разсказъ вымышленъ, но въ немъ народное нерасположеніе къ Добрынѣ сказалось въ полной силѣ. Дѣйствительно, чудесное только-что разсказанное событіе не можетъ быть отнесено къ тому времени, о которомъ мы говоримъ, такъ какъ тогда еще не могло быть и рѣчи о русскихъ церквахъ въ нѣмецкихъ городахъ. И во всякомъ случаѣ это преданіе относится только къ памяти Добрыни, родъ котораго еще долго оставался въ Новгородѣ; такъ напримѣръ, при великомъ князѣ Ярославѣ, сынѣ Владиміра Святаго, здѣсь посадникомъ мы находимъ Константина, сына Добрыни.

Но возвратимся къ Владиміру. Перерожденный духовно великій князь съ приходомъ въ Кіевъ изъ-подъ Корсуня совершенно перемѣнилъ свой образъ жизни. Первою и важнѣйшею цѣлью своего правленія онъ поставилъ насажденіе въ государствѣ просвѣщенія. Продолжавшееся мирное отношеніе къ сосѣдямъ всего болѣе способствовало великому князю въ его желаніи. Эта мирная жизнь въ особенности была полезна самому Владиміру, который вообще не пользовался цвѣтущимъ здоровьемъ и силою. Князь посвятилъ себя заботамъ о внутреннемъ устройствѣ своего государства и въ этомъ отношеніи многое заимствовалъ у образованныхъ Византійцевъ. Греческое духовенство стало нашими первыми наставниками въ дѣлѣ церковнаго устроенія и религіознаго просвѣщенія. Великій князь, какъ бы желая освятить тѣ мѣста въ своемъ городѣ, которыя были раньше осквернены идольскими жертвоприношеніями, спѣшитъ воздвигнуть на нихъ святые храмы. Такимъ образомъ, на возвышеніи, гдѣ нѣкогда стоялъ низверженный Перунъ, Владиміръ соорудилъ деревянную церковь во имя Св. Василія. Построеніе церкви изъ дерева и во имя Св. Василія—свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что князь желалъ во-первыхъ возможно скорѣй освятить свою столицу въ благодарность Богу святымъ храмомъ, и во-вторыхъ онъ считалъ наиболѣе пристойнымъ образомъ почтить этимъ того святаго, имя котораго принялъ при крещеніи. Но въ Кіевѣ были другія мѣста, гдѣ оставалась память о звѣрствахъ языческихъ преступленій,—мѣста, гдѣ христіанская вѣра была поругана съ дозволенія самого же Владиміра. Таково мѣсто, гдѣ умерли въ славномъ страданіи мученики-варяги отецъ съ сыномъ Θеодоръ и Іоаннъ. Князь оплакивалъ ужасное дѣло язычниковъ и пожелалъ воздвигнуть здѣсь каменный храмъ

въ честь Божіей Матери. Строители и мастера для этого храма были призваны изъ Греціи.

Эти внѣшніе знаки благочестія вполнѣ соотвѣтствовали душевному настроенію князя, который, понявъ истину христіанскаго закона, оставался вѣренъ ему въ своихъ дѣйствіяхъ. Мы уже говорили о томъ, какъ извѣстилъ князь Рогнѣду о законѣ, дозволяющемъ ему имѣть только одну жену, теперь укажемъ на другія доказательства чистой преданности его этому закону.

Однажды князь, любя вообще чтеніе Евангелія, услыхалъ такія слова: «блажени милостивіи, яко тіи помилованы будутъ» или въ другомъ мѣстѣ: «продайте имѣнія ваши и дадите нищимъ»... Евангельская заповѣдь глубоко запала въ душу Владиміра и онъ пожелалъ осуществить ее на дѣлѣ. Князь приказалъ всякаго нищаго допускать на княжескій дворъ, гдѣ ему давали пищу и питье и деньги изъ казны. Но это не все, князь зналъ, что есть такіе больные и убогіе, которые не могутъ приходить за милостыней. Для раздачи княжескаго подаянія такимъ несчастнымъ были сдѣланы телѣги, въ которыхъ развозили по городу хлѣбъ, мясо, рыбу, овощи, медъ и квасъ. Владиміръ вѣровалъ, что, подавая нищему, онъ, по слову Соломона, давалъ взаймы самому Богу. Въ большіе же праздники онъ устраивалъ три трапезы, изъ нихъ одна была для духовенства, другая для нищихъ и третья для него самого, великаго князя и его бояръ. Милосердіе у нашего князя было самымъ святымъ и важнѣйшимъ движеніемъ души. Разъ сами епископы сказали Владиміру: «въ странѣ размножились разбойники, зачѣмъ не казнишь ихъ?» «Боюсь грѣха!» отвѣчалъ великій милостивый князь.

Но съ принятіемъ христіанства Владиміръ соединилъ и другое великое дѣло на Руси. Онъ первый далъ намъ школу, положилъ начало обученію дѣтей грамотѣ. Со времени проповѣди славныхъ братьевъ св. Кирилла и Меѳодія до крещенія Владиміра прошло уже болѣе ста лѣтъ, и на славянской азбукѣ Кирилла давно уже существовали книги. Но книгамъ этимъ не было мѣста у насъ; онѣ содержали въ себѣ священное писаніе и чужды были языческой Руси. Владиміръ призвалъ эти книги и азбуку св. Кирилла къ себѣ и спѣшилъ утвердить помощью ихъ принесенное христіанство. Изъ древности мы узнаемъ слѣдующее важное распоряженіе князя: «Владиміръ повелѣлъ брать дѣтей знатныхъ, среднихъ и убогихъ и раздавать ихъ по церквамъ священникамъ и причту въ наученіе книжное.» Такимъ образомъ добродѣтельный князь ученіе ставилъ вмѣстѣ съ религіей и не отдѣлялъ его для однихъ только знатныхъ, но для среднихъ и убогихъ, что по нашему—для всѣхъ считалъ его необходимымъ.

Книжное ученіе для древней, еще не отвыкшей отъ языческаго обычая, Россіи, казалось чѣмъ-то страшнымъ и опаснымъ. Матери, говоритъ лѣтописецъ, отдавая по неволѣ дѣтей своихъ въ науку, оплакивали ихъ, какъ мертвыхъ, а нѣкоторыя старались откупить ихъ отъ ученія дарами. Тѣмъ не менѣе книжному ученію было дано начало. Оно поступаетъ подъ покровительство самихъ русскихъ князей, изъ которыхъ, напримѣръ, сынъ Владиміра Святаго—Ярославъ не только былъ грамотенъ, но и начитанъ въ книгахъ святаго писанія.

Конечно, дѣло просвѣщенія не могло идти съ одинаковымъ успѣхомъ во всей русской землѣ. Мы уже видѣли, какъ настойчиво и упорно защищали своихъ идоловъ язычники въ Новгородѣ; еще труднѣй было насаждать христіанство на восто-

кѣ, гдѣ языческіе обычаи и обряды продолжали жить еще долгое время и послѣ Владиміра. Такъ прошли уже годы по принятіи нашимъ княземъ христіанства. Миръ и порядокъ царили въ странѣ. Владиміръ, успокоившись отъ бурныхъ волненій, оставался въ своей семьѣ, окруженный духовенствомъ и преданными ему боярами. Въ эти годы былъ у него уже сынъ Борисъ, рожденный въ христіанскомъ бракѣ. Есть основаніе думать, что его отецъ любилъ больше всѣхъ прочихъ своихъ сыновей и держалъ его при себѣ, вѣроятно, желая оставить его послѣ себя на главномъ престолѣ кіевскомъ. Борисъ былъ сыномъ царевны отъ рода знаменитыхъ императоровъ Византійскихъ, и это обстоятельство было важно для Владиміра, оно давало Борису неоспоримое преимущество надъ всѣми его старшими братьями. Лѣтописецъ, говоря о Борисѣ, замѣчаетъ, что Борисъ свѣтился царски.

По преданію Владиміръ въ годъ крещенія Руси разослалъ своихъ сыновей по городамъ и каждому изъ нихъ далъ отдѣльную волость. Новгородъ былъ отданъ старшему сыну Вышеславу; въ Полоцкъ посланъ былъ Изяславъ, который, слѣдовательно, получилъ владѣнія, принадлежавшія когда-то дѣду его по матери Рогвольду. Святополку была опредѣлена Туровская волость; Ярославу Ростовъ; Святославу земля древлянская, Мстиславу же отдаленная Тмутаракань, греческая Таматарха у береговъ Азовскаго моря. Другимъ князьямъ были даны менѣе значительныя владѣнія.

Въ этомъ раздѣленіи земель между сыновьями отецъ поступилъ, какъ должно предполагать, съ тою цѣлью, чтобы правильнѣй можно было слѣдить за дѣлами государственными, а также содѣйствовать распространенію христіанства. Естественно, что по своему малолѣтству, дѣти Владиміра не могли при-

нимать личнаго участія въ дѣлахъ правленія, а по этому къ каждому изъ нихъ былъ приставленъ опытный бояринъ. Такимъ же образомъ, мы видѣли, поступилъ еще раньше князь Святославъ. Къ сожалѣнію и при сыновьяхъ Владиміра повторились тѣ-же междоусобія, которыя произошли раньше между нимъ и его братьями. Но главная цѣль великаго князя—распространеніе христіанства въ государствѣ не достигалась въ желаемой степени. Въ предѣлахъ, отдаленныхъ отъ Кіева продолжало еще жить язычество. Сюда приходили проповѣдники христіанской вѣры въ сопровожденіи сильныхъ и знатныхъ людей; такъ напримѣръ, святитель Михаилъ прибылъ изъ Новгорода (991 г.) въ Ростовскую землю съ Добрыней. Какъ и въ Новгородѣ, такъ и здѣсь христіанское ученіе было встрѣчено далеко не всѣми доброжелательно; многіе крестились, приняли поставленныхъ священниковъ и стали ходить въ церкви, но многіе продолжали исповѣдывать язычество въ прежней его силѣ; или, принимая христіанство, не оставляли въ то же время поклоненія Перуну и другимъ богамъ. Эти полуязычники оказывали еще болѣе вреда развитію христіанства, чѣмъ настоящіе идолопоклонники. Въ христіанскій храмъ такіе люди приходили только по приказанію; они лицемѣрно совершали здѣсь свою молитву только наружнымъ образомъ и затѣмъ спѣшили въ лѣсъ, или къ озеру, или къ какому-либо старому древесному дуплу и тутъ отдавались съ усердіемъ своему языческому моленію и жертвоприношенію. Не рѣдко въ домахъ ихъ можно было встрѣтить на ряду съ христіанскими иконами и святынями языческихъ божковъ, которымъ отправлялось обычное старое поклоненіе. Самую церковь христіанскую наши древніе полуязычники называли просто божницею. Въ семьяхъ еще оставалось многоженство, прежнее умыканіе невѣстъ; а христіанскій бракъ сопровождался очень

часто языческими обрядами. Изъ храма послѣ молитвы народъ бѣжалъ на игрища, гдѣ происходила пляска и игра въ честь какого либо бога.

Ревностнымъ и усерднымъ проповѣдникамъ подчасъ до того было трудно вносить въ жизнь новое ученіе, что они прямо изнемогали въ борьбѣ съ грубымъ язычествомъ. Такъ напримѣръ, епископъ Ростовскій Ѳ. Ѳедоръ, обезсилѣвшій въ упорномъ трудѣ, долженъ былъ покинуть Ростовъ и переселиться въ другой городъ. Вслѣдъ за нимъ то-же самое сдѣлалъ и прибывшій изъ Константинополя Иларіонъ, который возвратился послѣ почти безуспѣшной дѣятельности въ свое отечество.

Правильному распространенію христіанства сильно вредило и то обстоятельство, что руская земля не имѣла точныхъ и опредѣленныхъ границъ, которыя на востокѣ терялись еще въ невѣдомыхъ пространствахъ. Благодаря этому въ страну постоянно являлись дикіе тоже языческіе народы, оскверпявшіе и христіанскую святыню и отнимавшіе у населенія его покой. Земли русскихъ княжествъ были по преимуществу расположены по великому водному пути отъ рѣки Волхова почти до Днѣпровскихъ пороговъ. Это составляло узкую населенную полосу, на которой были расположены и Новгородъ и Кіевъ. Къ востоку населеніе было значительно рѣже. Здѣсь соприкасались съ русскими владѣніями въ большинствѣ случаевъ враждебныя сосѣднія земли; а Тмутаракань была отдѣлена отъ центра Руси громадными степями. Наибольшая опасность угрожала Руси съ юго-востока, такъ какъ отсюда тянулись однѣ за другими дикія орды кочевниковъ, подходившихъ не разъ къ самому Кіеву. Изъ числа такихъ кочевниковъ при первыхъ русскихъ князьяхъ извѣстны въ особенности Печенѣги. Отъ

нихъ защищалъ свои владѣнія Владиміръ Святой построеніемъ различныхъ укрѣпленій, между которыми первое мѣсто занимаютъ города. По рѣкамъ Сулѣ и Трубежу, были основаны города, которые образовали собою два ряда укрѣпленій. Кромѣ городовъ для обороны границъ отъ набѣговъ дѣлались также засѣки къ югу отъ Кіева, тутъ же былъ возведенъ и такъ называемый Зміевъ валъ. Но и это мало помогало для отраженія Печенѣговъ; они все-таки пробивались черезъ преграды и тревожили русскія земли до такой степени, что принудили Владиміра къ войнѣ съ ними.

Съ 993 года начинаются снова тревожные годы въ жизни нашего князя съ безпрерывными почти войнами. Набѣги Печенѣговъ памятны были Руси издавна. Въ 968 году они осадили Кіевъ и едва не принудили его сдаться, а черезъ четыре года у пороговъ Днѣпра они убили самого русскаго князя Святослава. При сыновьяхъ же его они принимаютъ участіе въ дѣлахъ Руси, будучи призваны слугою князя Ярополка — Варяжкомъ противъ Владиміра.

На время прогнанные Печенѣги въ 992 году дѣлаютъ новый набѣгъ на Русь со стороны р. Сулы и вторгаются въ кіевскую область. Владиміръ выступилъ противъ нихъ и на рѣкѣ Трубежѣ произошла встрѣча русскихъ съ Печенѣгами. Кочевники были разбиты на голову. Народъ украсилъ эту битву слѣдующимъ преданіемъ: «Войско Печенѣговъ стояло за рѣкою. Князь ихъ вызвалъ Владиміра на берегъ и предложилъ ему рѣшить дѣло поединкомъ между двумя съ обѣихъ сторонъ избранными богатырями. Ежели русскій убьетъ Печенѣга, сказалъ онъ, то обязываемся три года не воевать съ вами, а ежели нашъ побѣдитъ, то мы вольны три года опустошать твою землю. Владиміръ согласился и велѣлъ бирю-

чамъ или вѣстникамъ въ станѣ своемъ вызвать охотниковъ на поединокъ; но охотника не нашлось ни одного, и князь былъ въ горѣ. Тогда приходитъ къ нему старецъ и говоритъ: «Я вышелъ въ поле съ четырьмя сыновьями, а меньшій остался дома. Съ самаго дѣтства никто не могъ одолѣть его. Однажды, въ сердцѣ на меня онъ разорвалъ на-двое толстую воловью кожу. Государь! вели ему бороться съ Печенѣгомъ». Владиміръ немедленно послалъ за юношею, который для опыта въ силѣ своей потребовалъ дикаго быка. Быка раздражили раскаленнымъ желѣзомъ, и когда разъяренное животное бѣжало отъ боли, юноша, готовящійся къ бой, схватилъ его одной рукой за бокъ и вырвалъ у него кожу вмѣстѣ съ мясомъ. Владиміръ видя такую силу и ловкость молодаго борца, сказалъ ему: «можешь биться съ Печенѣгомъ». На другой день въ станѣ Печенѣговъ явился великанъ, который взглянувъ на своего противника средняго роста, разсмѣялся. Выбрали мѣсто и единоборцы схватились. Русскій герой сдавилъ въ своихъ рукахъ врага и мертваго ударилъ о землю. Тогда дружина княжеская, воскликнувъ побѣду, кинулась на устрашенное войско Печенѣговъ, и обратило его въ бѣгство». Юнаго борца звали Яномъ Усмощвецомъ или, сказать по-просту, Иваномъ-Кожемякой.

На память объ этомъ событіи русскій князь заложилъ на берегу Трубежа городъ и назвалъ его Переяславлемъ, ибо русскій юноша перенялъ славу у враговъ. Юноша же и отецъ его награждены были саномъ боярскимъ. Прошло три года и Печенѣги дѣйствительно не безпокоили русской земли, они, какъ бы вѣрные своему слову, по народному разсказу, не дерзали являться съ новымъ грабежемъ на старыя мѣста.

Но въ 996 году этотъ срокъ обѣщанія истекалъ и Пече-

нѣги явились у города Васильева. Какъ всегда, не оставлявшій своей дружины, Владиміръ и на этотъ разъ пошелъ лично противъ враговъ своей земли, но, увѣренный въ легкости борьбы съ Печенѣгами, взялъ съ собой небольшое войско. Василевъ изъ числа построенныхъ городовъ Владиміромъ находился недалеко отъ Кіева и служилъ какъ бы ему укрѣпленіемъ, предохраняя его отъ вражескихъ набѣговъ. Но князь обманулся въ ожидаемомъ успѣхѣ и потерпѣлъ большой уронъ отъ Печенѣговъ. Шестаго августа въ день праздника Преображенія Господня произошла битва, дружина Владиміра поколебалась и самъ князь едва не былъ взятъ въ плѣнъ; скрывшись подъ мостомъ, какъ разсказываетъ лѣтописецъ, онъ избѣжалъ печальной участи плѣнника у изувѣровъ. Набожный князь отнесъ свое спасеніе къ изволенію Божію и далъ обѣтъ соорудить въ г. Васильевѣ церковь въ честь Преображенія.

Тутъ же онъ пожелалъ отпраздновать свое избавленіе отъ плѣна великимъ пиромъ и раздачею милостыни бѣднымъ, которымъ выдано было 300 гривенъ. Дни празднества продолжались болѣе недѣли и только въ день Успенія Божіей Матери Владиміръ возвратился въ Кіевъ, гдѣ устроилъ еще болѣе пышное торжество. Здѣсь угощалъ онъ народъ, говоритъ преданіе, безъ числа. Но желаніе отплатить Печенѣгамъ за нанесенное ими пораженіе русскому войску подъ г. Васильевымъ не оставляло Владиміра ни на минуту. Онъ зналъ, что ему не придется долго ожидать новаго прихода этихъ варваровъ, а поэтому онъ заблаговременно отправился самъ на сѣверъ, чтобы тамъ собрать себѣ дружину для окончательнаго подавленія Печенѣговъ. Въ слѣдующемъ же году (997) онъ пошелъ въ Новгородъ; но неутомимые степняки провѣдали, что князя нѣтъ въ Кіевѣ, приступили къ Бѣлгороду, люби-

мѣйшему изъ построенныхъ Владиміромъ городовъ. Печенѣги обложили Бѣлгородъ и отрѣзали отъ окружавшихъ его окрестностей. Положеніе жителей было безвыходное, князь былъ далеко, бороться собственными силами было невозможно; городу оставалось сдаться непріятелю, но нравъ и безчеловѣчіе Печенѣговъ были извѣстны всѣмъ, а поэтому жители такимъ рѣшеніемъ обрекали бы себя на жестокія мученія и кровавый грабежъ. Тѣмъ не менѣе Печенѣги продолжали тѣснить бѣлгородцевъ. Въ городѣ насталъ голодъ; собравшійся совѣтъ старѣйшинъ положилъ отдаться всѣмъ городомъ на волю враговъ. Подробности этого событія намъ не извѣстны, но до насъ дошелъ народный разсказъ, въ которомъ, какъ мы увидимъ, честь города осталась неприкосновенной. Городъ былъ спасенъ слѣдующимъ хитро придуманнымъ средствомъ.

Одинъ старецъ, какъ говоритъ преданіе, сказалъ своимъ согражданамъ: «послушайтесь меня, не сдавайтесь еще три дня и сдѣлайте то, что я велю—соберите хоть по горсти овса или пшеницы, или отрубей». Жители съ радостью послушали старика и сыскали, что было приказано, а женщины сдѣлали изъ этого кисельный растворъ. Тѣмъ временемъ по его-же указанію были выкопаны двѣ ямы и въ нихъ поставлены по кадкѣ. Затѣмъ нашли въ городѣ меду и сдѣлали сыту. Въ одну изъ кадокъ вылили кисель, а въ другую распущенный медъ. На другой день старикъ велѣлъ послать за Печенѣгами; горожане пригласили изъ нихъ десять человѣкъ и оставили имъ въ свою очередь, своихъ заложниковъ. Когда печенѣжскіе мужи пришли, имъ сказали: «зачѣмъ вы себя губите, можно ли вамъ перестоять насъ? Хотя десять лѣтъ стойте, такъ ничего тамъ не сдѣлаете, потому что у насъ кормъ отъ земли идетъ, не вѣрите—смотрите своими глазами. Съ этимъ вмѣ-

стѣ имъ показали два колодца и почерпнувъ изъ одного раствору, сварили кисель, а изъ другаго медовой сыты, и начали ѣсть сначала сами, а потомъ предложили Печенѣгамъ. Пришедшіе мужи пораженные дивомъ сказали: «не повѣрятъ наши князья, если сами не отвѣдаютъ». Бѣлгородцы не задумались и послали въ станъ непріятеля киселю и меду Печенѣжскіе князья повѣрили и, размѣнявшись заложниками, поспѣшили отступить отъ города.

Такимъ образомъ всѣ три описанныя нами столкновенія русскихъ съ печенѣгами въ княженіе Владиміра изукрашены народными вымыслами, въ которыхъ изображена находчивость русскихъ и крайняя простота печенѣговъ. Въ первой битвѣ является молодой, еще совсѣмъ юный силачъ, во второй самъ князь укрывается отъ врага подъ мостомъ, въ третьей печенѣги обмануты хитростью старика. Православному русскому князю невозможно быть побѣжденнымъ басурманами, и народъ въ тяжелыя минуты вражескаго натиска охраняетъ его придуманными противоестественными средствами. Но разсказы эти имѣютъ и другое важное значеніе: они свидѣтельствуютъ о томъ, что народъ любилъ своего князя, что самъ князь былъ близокъ къ нему и народная мысль не оставляла его.

Нападенія же Печенѣговъ были, можно сказать, безпрестанны; преподобный Несторъ говоритъ, что борьба съ ними продолжалась «безпрерывно» и, по его же словамъ, для русскихъ была всегда успѣшна. Тѣмъ не менѣе Владиміръ Святой не могъ окончательно избавить Русь отъ ихъ вторженій, и появленіе Печенѣговъ въ кіевскомъ княжествѣ мы встрѣчаемъ еще при сынѣ его Ярославѣ.

Въ одинъ изъ промежутковъ между печенѣжскими набѣ-

гами Владиміръ праздновалъ въ 996 году въ Кіевѣ освященіе заложенной имъ по возвращеніи изъ Корсуня церкви въ честь Божіей Матери. Это былъ настоящій памятникъ великаго дѣла —крещенія. Князь хотѣлъ сдѣлать этотъ храмъ возможно великолѣпнымъ; по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ онъ былъ очень великъ, убранство его отличалось подобающей роскошью. Владиміръ отдалъ сюда всѣ привезенныя съ мѣста крещенія священныя утвари и «отъ имѣнія и городовъ своихъ пожертвовалъ на него десятую часть». Князь желалъ, чтобъ церковь эта непрестанно украшалась и на будущіе вѣка, съ этой цѣлью онъ сдѣлалъ завѣщаніе своимъ наслѣдникамъ удѣлять по его примѣру десятую часть имѣній на украшеніе храма. Вслѣдствіе этого распоряженія церковь была названа Десятинной. Первое попеченіе объ этомъ храмѣ было поручено княземъ греку Анастасу, пришедшему съ русскими изъ Корсуня. Но мысль и желаніе Владиміра осуществились не на-долго: дѣйствительно князья и знатные люди охраняли русскую святыню по слову своего князя, обогощали ее вкладами и чтили ее съ благоговѣйнымъ усердіемъ. Съ кончиною-же Владиміра церковь испытываетъ на себѣ бѣдствіе одно за другимъ, начиная съ страшнаго пожара Кіева въ 1017 году до татарскаго погрома въ 1240, послѣ чего она оставалась въ развалинахъ въ продолженіи болѣе четырехъ столѣтій до времени знаменитаго митрополита Петра Могилы, который къ уцѣлѣвшему углу древней церкви сдѣлалъ небольшую новую пристройку. Возобновленіе-же Десятинной церкви произведено уже въ царствованіе императора Николая.

Выдача десятой части имѣнія на дѣла благотворительныя или вообще на служеніе Богу было древнѣйшимъ нашимъ обычаемъ, который, между прочимъ, жилъ еще у язычниковъ; тоже

самое замѣчаемъ мы и у западныхъ народовъ. Самый сорокадневный постъ почитался десятиной, приносимой нами Богу по ученію священнаго писанія, которое говоритъ: «Богъ далъ намъ сорокъ дней на очищеніе души. Это есть десятина, даваемая нами Богу отъ года». Лѣтопись часто, говоря о нравахъ князей, добавляетъ, что въ числѣ лучшихъ сторонъ души того или другаго изъ нихъ было обыкновеніе приносить Богу жертву десятой части своихъ имѣній. Такъ поступилъ и князь Владиміръ, сооружая этотъ храмъ на мѣстѣ мученической смерти варяговъ Өедора и Іоанна, какъ бы во искупленіе своего грѣха; и грамотой, положенной въ самомъ храмѣ, заклиналъ наслѣдниковъ къ неуклонному исполненію своего завѣщанія: «аще кто сего посудитъ, сказалъ князь, да будетъ проклятъ». Какое высокое значеніе придавалъ Владиміръ сооруженному храму и какъ высоко ставилъ онъ этотъ подвигъ своей души, видно изъ того, что въ своемъ церковномъ уставѣ онъ говоритъ исключительно объ этой церкви и говоритъ съ большой подробностью. Очевидно князь былъ преисполненъ религіознымъ чувствомъ и хранилъ его въ себѣ въ неприкосновенной чистотѣ. Поэтому отношенія Владиміра ко всему священному чину и ко всему тому, что имѣло связь съ церковью, представляются исполненными любви, милости и уваженія.

Священнослужители, больные, недугующіе странники въ святыя мѣста, нищіе—были постоянною заботой князя. Всего лучше изображаетъ намъ Владиміра въ этомъ отношеніи названный и приписываемый ему церковный уставъ, который заключается въ слѣдующемъ изложеніи: «Во имя Отца и Сына и св. Духа. Я, князь великій Василій, называемый Владиміромъ, сынъ Святослава, внукъ Игоря и блаженной Ольги, воспринялъ святое крещеніе отъ греческихъ царей Константина и

Василія и патріарха Фотія, принялъ перваго митрополита Михаила для Кіева и для всей Руси, который крестилъ всю русскую землю. И потомъ соорудилъ церковь св. Богородицы и далъ на нее десятую часть отъ всей русской земли; десятый грошъ отъ суда и десятую недѣлю на торгу. Изъ домовъ на всякій десятый годъ отъ стадъ и всего хозяйства пречудной Матери Божіей и чудному Спасу». Высшимъ лицамъ духовнаго званія—митрополиту и епископамъ онъ поручалъ судъ надъ тѣмъ, кто обидитъ кого либо не только изъ священно—и церковнослужителей или изъ ихъ семействъ, но даже кого либо изъ странниковъ ко святымъ мѣстамъ, путешественниковъ, хромыхъ, слѣпыхъ и всѣхъ причетниковъ церковныхъ.

Составитель этого устава, видимо считалъ непристойнымъ отдавать названныхъ лицъ подъ покровительство свѣтской власти и полагалъ болѣе подходящимъ поручать ихъ власти духовной. Изъ этого видно, что всѣхъ страдавшихъ физическими недостатками: хромыхъ, слѣпыхъ и вообще больныхъ онъ по преимуществу считалъ людьми божьими и они составляли предметъ особой его заботливости. Нищая братія и въ народной поэзіи представляется одаренной высшей духовной силой, съ нею соприсутствуетъ самъ Спаситель или даже является въ образѣ ея. Это представленіе, конечно, основывается, на христіанскомъ ученіи о милосердіи и самъ князь нашъ держится этого ученія во всей его чистотѣ.

Мы оставили Владиміра въ путешествіи его въ Новгородъ за дружиной для отраженія вѣчно безпокойныхъ Печенѣговъ. Князь хорошо зналъ сѣверное войско и его доблести, такъ какъ самъ онъ не одинъ разъ пользовался ими въ своихъ военныхъ предпріятіяхъ, поэтому намъ понятно, почему Владиміръ отправился именно въ Новгородъ. Можно полагать,

что князю удалось справиться съ ненасытными грабителями и задержать, по крайней мѣрѣ, на продолжительное время ихъ появленіе подъ Кіевомъ. Но изъ того, что князь за войскомъ ходилъ въ Новгородъ можно заключить, что собственная его дружина была не многочисленна. Мы видѣли, что она не всегда легко справляется съ Печенѣгами и даже не въ силахъ оборонить своего князя, который, спасаясь, долженъ укрываться подъ мостомъ. Вообще самъ Владиміръ, какъ бы... раньше замѣчено, не отличался качествами храбраго воина и не обладалъ ратнымъ духомъ. Но онъ не отказывался отъ войнъ и велъ ихъ, хотя надо сказать, больше съ цѣлью охраненія своихъ владѣній, чѣмъ съ цѣлью нападеній. Дружина его выставляла по преимуществу личныхъ героевъ, каковы его знаменитые богатыри, таковъ и переяславскій отрокъ—Янъ Усмошвецъ.

Въ составъ княжеской дружины принимались витязи, изъ какого бы племени или народа они ни были; такъ у Владиміра, были добрые смышленные и храбрые мужи варяжскіе и знатные витязи скандинавскіе. Народныя же пѣсни, во множествѣ сохранившіяся изъ старины, свидѣтельствуютъ, что дружина княжеская напротивъ была многочисленна; по преданію собственную дружину имѣлъ не только самъ князь, но и княгиня и княжескія дѣти. Такъ Владиміръ, посылая богатыря на подвигъ, дѣлаетъ ему слѣдующее предложеніе:

Гой еси Иванъ Годиновичъ!
Возьми ты у меня, князя, сто человѣкъ
Русскихъ могучихъ богатырей,
У княгини ты бери другіе сто.

Изъ приведенныхъ словъ пѣсни уже ясно, какъ пони-

малъ народъ численность княжеской дружины. Конечно, сто могучихъ богатырей, изъ которыхъ, по народному представленію, каждый обладалъ сверхъестественной непонятной для обыкновеннаго человѣка мощью—сила громадная, но въ смыслѣ войска, выступающаго въ бой съ непріятелемъ, это ничтожная капля.

Обратимся къ народнымъ пѣснямъ и посмотримъ въ какихъ чертахъ представляется нашъ князь. Въ былинныхъ пѣсняхъ, Владиміръ нигдѣ не является героемъ военнымъ; мы не встрѣчаемъ въ постоянныхъ прозвищахъ его слова храбрый князь, напротивъ того очень часто онъ оказыется трусомъ, человѣкомъ боязливымъ. Однажды расходился его могучій богатырь Илья Муромецъ въ присутствіи князя. Владиміръ до того испугался, что сначала уговаривалъ богатыря ласковымъ словомъ, а затѣмъ, когда это не помогло, онъ

За печку задвинулся
Собольей шубкой закинулся.

Въ особенности оказывается трусливымъ князь при наступленіи врага, т. е. въ то время когда ему слѣдовало бы напротивъ ободрять другихъ. Заслышавъ о приближеніи къ Кіеву царя Калина, князь окончательно растерялся и упалъ духомъ. Пѣсня поетъ:

. . . . накатилась сила невѣрная
Что того было Калина царя,
Обстала престольный Кіевъ градъ
Вокругъ на шестьдесятъ верстъ.
Тутъ-то Владиміръ князь
Весьма закручинился, запечалился,
Повѣсилъ онъ буйную голову на правую сторону,
Потупилъ очи ясныя въ кирпищатъ полъ....

Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ князь до того печалится и боится наступающаго врага, что даже плачетъ. Орды невѣрныя угрожали князю такими словами: «все твое выжжемъ и вырубимъ, самого тебя, князя, въ полонъ возьмемъ». Владиміръ пугается и, какъ говоритъ пѣсня:

Растужится, расплачется Владиміръ князь:
Не стало у меня застоюшки великой.

Иногда же князь испытываетъ такой страхъ, что одѣвается въ печальное черное платье, обращается въ кающагося грѣшника и ищетъ прибѣжища въ церкви. Царь Батый прислалъ въ Кіевъ такую угрозу:

Сильныхъ богатырей подъ мечъ склоню,
Князя съ княгиней въ полонъ возьму,
Божьи церкви на дымъ спущу,
Чудны иконы на плавь рѣки,
Добрыхъ молодцевъ полоню станицами,
Красныхъ дѣвушекъ плѣницами,
Добрыхъ коней табунами.

Владиміръ не принимаетъ этой угрозы съ должной стойкостью и самообладаніемъ, напротивъ того:

Надѣвалъ Владиміръ платье цѣпное (черное),
Цѣпное платье, печальное,
Походилъ ко Божьей церкви, Богу молиться.
Въ срѣту идетъ нищая Калика перехожая:
—Ужъ ты здравствуй, Владиміръ, стольный Кіевскій
—Ты зачѣмъ надѣлъ черное платье, печальное,
—Что у васъ въ Кіевѣ учинилося?
«Молчи, нищая Калика перехожая,

Не хорошо у насъ въ Кіевѣ учинилося:
Изъ-за моря, моря синяго,
Изъ-за синяго моря, изъ-за Чернаго,
Поднимался Батый царь, сынъ Батыевичъ
Со своимъ сыномъ съ Тароконскимъ.

Въ такихъ чертахъ представляется князь Владиміръ въ тѣхъ случаяхъ, когда ему грозитъ какое-либо военное дѣло. Если мы вспомнимъ князя въ дѣйствительныхъ его военныхъ походахъ, то увидимъ, что въ общемъ народная поэзія нигдѣ не переступила истины. Князь дѣйствительно былъ труслив и въ военномъ дѣлѣ нерѣшителенъ; и герой застольной бесѣды не былъ храбрымъ героемъ на полѣ сраженія. Напротивъ того обычное и постоянное слово народной пѣсни есть: Владиміръ ласковый, батюшка, свѣтлый или пресвѣтлый и т. д. Въ этихъ названіяхъ князь представляется привѣтливымъ, гостепріимнымъ хозяиномъ, пріятнымъ собесѣдникомъ, любимымъ и любящихъ своихъ богатырей. Дружина князю была необходима не только для цѣлей военныхъ, но и въ мирное время: съ ней онъ совѣтывался, съ ней онъ думалъ свою думу. Ей онъ устраивалъ свои знаменитые пиры, на которыхъ являлся по-истинѣ хлѣбосольнымъ хозяиномъ. Почти всякое собраніе у князя Владиміра начинается пиромъ, который изображается въ народныхъ былинахъ такимъ описаніемъ:

У князя было у Владиміра,
У Кѣевскаго солнышка Сеславича
Было пированье почесное,
Чесно и хвально, больно радушно
На многіе князья и бояря,
На сильныхъ могучихъ богатырей...

Естественно, что народное чувство, расположенное къ князю Владиміру, умѣло подмѣтить особенности его души и изображало его въ пѣсняхъ такимъ, какимъ онъ казался на самомъ дѣлѣ. Доступъ къ князю былъ свободенъ; къ нему приходилъ на княжій дворъ за щедрымъ подаяніемъ всякій, кто только нуждался; на богатыхъ празднествахъ присутствовалъ народъ «безъ числа», дружина его съ нимъ не разлучалась — слѣдовательно узнать свойства князя было не трудно. Народная пѣсня и былина только украшала и обставляла вымышленными происшествіями дѣйствительность. Не богатыри князя, а самъ князь Владиміръ-Красно Солнышко былъ главнымъ лицомъ и героемъ народныхъ пѣсенъ. Владиміръ располагалъ къ себѣ. онъ не казался грознымъ или черствымъ и по справедливости названъ былъ «ласковымъ». Дружина иногда заявляла князю свое неудовольствіе или свое желаніе, и Владиміръ спѣшилъ исполнить это желаніе своихъ любимцевъ. Однажды дружина на пиру сказала такъ: «Горе нашимъ головамъ: ѣдимъ мы деревянными ложками, а не серебряными». Владиміръ, услышавъ это, приказалъ сдѣлать для дружины своей серебряныя ложки, причемъ добавилъ: «серебромъ и золотомъ не могу я добыть себѣ дружины, а съ дружиною добуду и то и другое, подобно тому, какъ нашелъ съ ней серебро и золото дѣдъ мой». Какъ радуется и какъ принимаетъ въ свою дружину Владиміръ пріѣзжающаго богатыря, видно опять изъ народной пѣсни. Вотъ съ какимъ привѣтомъ былъ встрѣченъ Алеша Поповичъ, пріѣхавшій въ Кіевъ на княжескій дворъ:

Втопоры Владиміръ князь обрадовался;
Говорилъ таковы слова:
Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
По отчеству садись въ большое мѣсто,
въ передній уголокъ,

Въ другое мѣсто богатырское,
На дубовую скамью противъ меня,
Въ третье мѣсто, куда самъ захочешь.

Но съ дружиной князь не только пировалъ или велъ рѣчь о походахъ и о подвигахъ, съ ней онъ совѣтовался о дѣлахъ земскихъ, о мирныхъ дѣлахъ своей земли. Въ этихъ случаяхъ въ числѣ совѣтниковъ князя принимало участіе и духовен. . .

Духовныя лица пользовались большимъ значеніемъ и вліяніемъ въ княженіе Владиміра-христіанина. Мы сейчасъ видѣли свидѣтельство тому изъ стиховъ даже народной пѣсни: Владиміръ сажаетъ Алешу въ передній уголъ, на большее мѣсто изъ уваженія къ его отчеству, ибо богатырь, какъ поповичъ, принадлежалъ къ духовному званію. Духовенство оказывало вліяніе и на общій государственный строй. Съ нимъ Владиміръ совѣтуется не только о дѣлахъ церковныхъ или вообще религіозныхъ, но и о дѣлахъ свѣтскихъ. Епископы, какъ мы уже говорили раньше, разрѣшили Владиміра отъ грѣха казнить разбойниковъ, которыхъ слишкомъ много было въ то время въ княжествѣ. «Ты поставленъ отъ Бога, сказали они ему: на казнь злымъ, а добрымъ на милованье: тебѣ должно казнить разбойника, только разобравъ дѣло». Владиміръ послушался совѣта епископовъ и началъ предавать смерти людей, занимавшихся грабежемъ и разбоемъ. Есть извѣстіе, что въ Россію уже въ то время, когда Владиміръ былъ христіаниномъ, приходили послы отъ Римской церкви и склоняли русскихъ къ своему ученію, но князь, благодаря прибывшему изъ Греціи епископу, совершенно устранилъ чужое вліяніе. И здѣсь слѣдовательно духовенство имѣло свое значеніе.

Обратимся къ семейству князя Владиміра. Съ 1000 года

великій князь теряетъ одного за другимъ своихъ родныхъ. Умираютъ его жены, за ними слѣдуютъ смерти нѣкоторыхъ его дѣтей и внуковъ. Въ самый 1000 годъ представились Мальфреда и Рогнѣда, мать Ярослава; на другой годъ умираетъ Изяславъ, княжившій въ Полоцкѣ, а черезъ лѣто, сынъ этого князя Всеславъ. Здоровье самого Владиміра, непользовавшагося и раньше цвѣтущими силами и крѣпостью, еще болѣе ослабѣло. Въ продолженіи многихъ лѣтъ мы не видимъ нашего князя за какимъ либо важнымъ дѣломъ ни на войнѣ, ни дома. Можно предполагать, что князь почувствовалъ усталость отъ безпокойно и невоздержанно проведенной имъ жизни въ юношескіе годы и теперь искалъ отдохновенія. Онъ совершилъ великое дѣло, доставившее ему славу, не только въ отечествѣ, но во всемъ образованномъ мірѣ. Посѣянные имъ сѣмена уже дали видимые плоды, и князь могъ смотрѣть на нихъ, какъ на оправданіе своего подвига. Сыновья Владиміра еще ничѣмъ не нарушили своего братскаго союза и въ землѣ руской не было ни смутъ, ни раздоровъ. Смерть князя Изяслава не причинила никакихъ волненій въ странѣ и на Полоцкомъ княжествѣ остался сынъ его Брячеславъ. Теченіе государственныхъ дѣлъ благопріятствовало общему покою и князь, которому теперь было за сорокъ лѣтъ не предпринималъ ничего новаго. Этотъ покой способствовалъ мирнымъ международнымъ сношеніямъ. Въ это время мы встрѣчаемъ при дворѣ нашего князя иностранцевъ, которые или приходили къ Владиміру для торговыхъ переговоровъ или заходили къ нему по дорогѣ на пути въ зарусскія земли. Такъ въ 1006 году прислали къ Владиміру волжскіе Болгары своихъ пословъ съ многочисленными дарами и съ просьбой, чтобы князь позволилъ болгарскимъ купцамъ вести безъ опасенія свою торговлю по Волгѣ и Окѣ. Владиміръ охотно выразилъ свое согласіе на просьбу пословъ и самъ

пожелалъ содѣйствовать болѣе тѣснымъ международнымъ отношеніямъ. Онъ далъ Болгарамъ печать во всѣ города, чтобы здѣсь они безпрепятственно вели свою торговлю, и равнымъ образомъ желалъ, чтобы и русскіе купцы тоже свободно могли отправляться по своимъ торговымъ дѣламъ въ Болгарію.

Слѣдуетъ замѣтить, что Болгары въ то время вели значительную торговлю на [illegible]токѣ и обмѣнивали свои товары не только съ своими соседями, но и уходили далеко въ сѣверныя и южныя страны. Они отвозили произведенія свои въ Швецію и Данію, черезъ Персію отправлялись въ Индію и на Черномъ морѣ приставали къ берегамъ Египта.

Естественно, что сношенія съ такимъ промышленнымъ и торговымъ народомъ могло послужить только на пользу русской землѣ, тѣмъ болѣе, что Волга открывала впослѣдствіи путь и самимъ русскимъ въ богатыя страны востока. Но тутъ между прочимъ, имѣлось въ виду и то, что населеніе русскаго востока отличавшееся еще дикостью нравовъ, могло вслѣдствіе торговыхъ движеній нѣсколько облагородиться. Въ 1007 году въ Кіевѣ Владиміра, по преданію, посѣтилъ нѣмецкій проповѣдникъ Брунъ, который черезъ Русь отправлялся къ Печенѣгамъ. Изъ его разсказа мы узнаемъ прекраснымъ образомъ душевныя свойства нашего князя, его пріемъ чужестранца и отношенія его къ Печенѣгамъ. «Мы отправились въ путь, говоритъ проповѣдникъ, къ жесточайшимъ изъ всѣхъ язычниковъ Печенѣгамъ. Князь Русовъ, имѣющій обширныя владѣнія и большія богатства, удерживалъ меня мѣсяцъ, стараясь убѣдить, чтобы я не шелъ къ такому дикому народу, среди котораго я не могъ снискать душъ Господу, но только умереть самымъ постыднымъ образомъ. Не могши убѣдить меня, онъ пошелъ проводить меня самъ до границъ, которыя онъ

оградилъ отъ кочевниковъ самымъ крѣпкимъ частоколомъ на очень большое пространство. Когда мы вышли за ворота, князь послалъ своего старшину къ намъ съ такими словами: «я довелъ тебя до мѣста, гдѣ кончается моя земля и начинается чужая. Ради Бога, прошу тебя не погубить къ *моему безчестію* жизнь свою понапрасну. Знаю завтра, прежде третьяго часа, безъ пользы, безъ причины, вкусишь ты горькую смерть». Брунъ говоритъ, что Владиміръ имѣлъ какое-то видѣніе. Какія прекрасныя слова, переданныя намъ чужимъ человѣкомъ о нашемъ князѣ! Князь, доводя своего гостя самолично до границъ своей земли, умоляетъ его отказаться отъ своего путешествія. Владиміръ говоритъ, что Печенѣги погубятъ его понапрасну, а это для русскаго князя послужитъ къ безчестію. Въ чемъ же видѣлъ Владиміръ безчестіе свое? Несомнѣнно въ томъ, что онъ не умѣлъ удержать гостя отъ вѣрной гибели, не умѣлъ спасти своего ближняго отъ грозящей его опасности. По истинѣ, христіанское благородное движеніе души! Но къ счастью и радости самого князя, увѣренія его не оправдались. Миссіонеръ пять мѣсяцевъ пробылъ между Печенѣгами, правда, едва не погибъ, но окрестилъ тѣмъ не менѣе 30 человѣкъ и даже примирилъ печенѣжскихъ старшинъ съ русскими. На возвратномъ пути онъ снова зашелъ къ Владиміру, и просилъ князя послать къ Печенѣгамъ въ заложники сына, съ которымъ былъ отправленъ къ нимъ и епископъ. Таково осталось преданіе о нашемъ князѣ у чужеземнаго народа; преданіе прекрасно рисующее душу Владиміра! Намъ важенъ этотъ отзывъ, потому что онъ и въ чужой землѣ далъ возможность думать о Владимірѣ такъ, какъ думали о немъ на родинѣ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ князя Владиміра постигло новое семейное горе, а за нимъ тяжелая для отца непріятность—

въ 1010 году умеръ старшій сынъ князя Вышеславъ, княжившій въ Новгородѣ. Въ этотъ удѣлъ князь желалъ поставить старшаго сына, а послѣ Вышеслава старшимъ изъ сыновей былъ Святополкъ, который въ это время былъ подъ гнѣвомъ отца по слѣдующему случаю. Польскій князь Болеславъ послѣ непродолжительной войны, въ первый же годъ своего вступленія на престолъ, съ Владиміромъ заключилъ миръ и впослѣдствіи даже пожелалъ связать отношенія съ русскимъ княземъ путемъ родственнаго союза. Онъ выдалъ замужъ свою дочь за Святополка. Вмѣстѣ съ княжною къ Туровскому князю прибылъ и епископъ католическій Рейнборнъ. Епископъ сблизился съ Святополкомъ и началъ возмущать его противъ Владиміра, имѣя въ виду сдѣлать угодное, какъ самому Болеславу, такъ и западной церкви въ томъ случаѣ, если его замыселъ окончится удачно. Церковь русская при такихъ обстоятельствахъ могла отказаться отъ Византіи и перейти въ единеніе съ Римомъ. Но князь Владиміръ былъ предупрежденъ о замыслахъ своего сына и поступилъ съ нимъ круто и рѣшительно. Онъ приказалъ Святополка, жену его и епископа Рейнборна заключить въ темницу и этимъ сразу уничтожилъ опасное для Россіи дѣло противниковъ. Такимъ образомъ право Святополка на Новгородскій удѣлъ, какъ старшаго сына, уничтожилось само собой, и Владиміръ послалъ туда слѣдующаго по возрасту Ярослава, княжившаго въ Ростовѣ. То обстоятельство, что Святополкъ задумалъ преступное дѣло противъ отца и противъ церкви не могло, конечно, не опечалить Владиміра. Въ этомъ сынѣ онъ не могъ даже видѣть поддержки своимъ распоряженіямъ и сочувствія своему дѣлу. А Святополкъ, какъ оказалось впослѣдствіи, нисколько не покаялся: онъ искалъ случая и средствъ овладѣть великокняжескимъ престоломъ въ Кіевѣ и рано затаилъ месть про-

тивъ того, кого считалъ близкимъ къ престолу отца, а ближе всѣхъ къ нему стоялъ юный князь Борисъ. Болеславъ же, узнавъ объ участи Святополка, своей дочери и епископа Рейнборна, съ наемнымъ войскомъ, въ рядахъ котораго были и Печенѣги, вступилъ войною въ Русь. Страна подверглась опустошеніямъ и походъ польскаго князя могъ угрожать Россіи большими бѣдствіями, если бы въ средѣ самаго войска Болеслава не произошло раздора. Между Поляками и Печенѣгами возгорѣлась распря, мѣшавшая успѣху войны. Болеславъ направилъ свое оружіе противъ безпокойныхъ союзниковъ и приказалъ ихъ истреблять. Этимъ долженъ былъ окончиться и самый походъ на Русь и Болеславъ, удовольствовавшись освобожденіемъ Святополка, прекратилъ войну съ Владиміромъ.

Подчиненное отношеніе Новгорода Кіеву выражалась въ томъ, что Новгородскіе намѣстники платили великому князю ежегодно по двѣ тысячи гривенъ. Но свободолюбивымъ новгородцамъ не нравилось такое зависимое ихъ положеніе и они всегда готовы были встать противъ Кіевскаго князя, чтобы сдѣлаться окончательно независимыми. Такое стремленіе новгородцевъ было усвоено и княземъ ихъ Ярославомъ, который, какъ увидимъ ниже, поднимается войною противъ своего отца.

Но во время описанныхъ непріятностей и огорченій великій князь Владиміръ перенесъ новый ударъ: въ 1011 году онъ хоронилъ свою супругу Анну, которая скончалась, слѣдовательно, на двадцать четвертомъ году своего пребыванія въ Россіи.

Такъ постепенно распадалось большое гнѣздо князя Владиміра. Самъ онъ приходилъ уже къ старческому возрасту, къ той порѣ, когда физическія силы его требовали покоя; онъ естественно жилъ надеждой, что оставитъ послѣ себя достой-

ныхъ преемниковъ въ лицѣ своихъ сыновей, хотя уже видѣлъ враждебное отношеніе одного изъ нихъ, именно Святополка. Сыновья его всѣ были въ то время въ цвѣтущемъ возрастѣ между тридцатью пятью и двадцатью годами, нѣкоторые изъ нихъ были женаты и имѣли своихъ сыновей, Владиміръ видѣлъ свое потомство уже въ третьемъ колѣнѣ и, конечно, не предугадывалъ той печальной судьбы, которая постигла большинство изъ его дѣтей. Судьба эта по истинѣ была злосчастна. Только что успѣлъ разстаться Владиміръ блаженной кончиной съ этимъ міромъ, какъ зло, поселившееся между его дѣтьми, начало свое ужасное дѣло. Братья гибли одни въ междоусобной брани, а другіе пропадали безъ вѣсти; такъ что уже на четвертый годъ послѣ кончины Владиміра изъ двѣнадцати сыновей остались въ живыхъ и въ извѣстности только трое— Ярославъ, Мстиславъ и Судиславъ, да внукъ его Брячиславъ Изяславичъ Полоцкій. Нѣкоторые изъ сыновей его потерялись за предѣлами своей родины: такъ Всеволодъ погибъ на сѣверѣ, въ Скандинавіи, а одинъ, по догадкамъ, былъ истребленъ греками въ то время, когда, заявивъ свое желаніе поступить на службу къ Византійскому императору, обманомъ разбилъ греческое войско и бѣжалъ оттуда.

Къ годамъ же печальныхъ событій, которыя постигли князя Владиміра, относится его сѣверное войско съ Норвежскимъ принцемъ, разсказанная чужеземнымъ лѣтописцемъ. Въ числѣ знатныхъ людей, пришедшихъ изъ Скандинавіи при князѣ Владимірѣ, находился нѣкій вельможа Сигуртъ. Племянникъ Сигурта, малолѣтній принцъ Норвежскій Олафъ съ матерью своей Астридою нашелъ убѣжище у кіевскаго князя при дворѣ, гдѣ пользовался ласками великой княгини Анны.

Онъ воспитывался при дворѣ, и, пришедши въ совершен-

нолѣтній возрастъ, принялъ службу у князя Владиміра. Затѣмъ, преданіе говоритъ, что по какимъ-то причинамъ онъ долженъ былъ оставить эту службу и впослѣдствіи сдѣлался королемъ норвежскимъ, смѣстивъ съ престола Эрика, можетъ быть, пользуясь русскою помощью. Прогнанный Эрикъ бѣжалъ въ сосѣднюю Швецію и, собравъ тамъ войско, двинулся на прибалтійскія владѣнія Руси и даже взялъ русскій городъ. Война съ храбрымъ принцемъ продолжалась, по сказанію лѣтописца, четыре года и кончилась съ успѣхомъ для Владиміра.

Это было послѣднее военное предпріятіе нашего князя, если не считать того, которое относится къ послѣднему году его жизни и конецъ котораго уже не принадлежалъ княженію Владиміра. Въ 1014 году новгородскій князь Ярославъ увлекаемый страстью сѣвернаго населенія къ самовластію, объявилъ отцу свою непокорность тѣмъ, что отказался отъ обычной уплаты кіевскому князю двухъ тысячъ гривенъ.

Владиміръ не могъ равнодушно перенести поступка своего сына и грозилъ ему приходомъ съ войскомъ подъ Новгородъ. Ярославъ въ свою очередь сталъ готовиться къ войнѣ съ отцомъ и, по старому примѣру, призвалъ наемныя дружины Варяговъ. Должна была открыться на глазахъ у всѣхъ борьба сына съ отцемъ. Къ этому же прибавилось и новое осложненіе дѣлъ. Печенѣги вдругъ ворвались въ русскую землю и грозили Кіеву своимъ нападеніемъ. Владиміръ, такимъ образомъ, сразу очутился межъ двухъ вражескихъ лагерей: на сѣверѣ врагомъ стоялъ родной сынъ, а на югѣ дикая орда степняковъ. Если не страшны были эти враги Владиміру, какъ князю, то тяжелъ былъ одинъ изъ нихъ ему, какъ отцу. Еще такъ недавно подавилъ онъ готовившееся возмущеніе сына Святополка, еще такъ свѣжа была память о немъ въ душѣ Вла-

димира, и чувство его поражается новымъ ударомъ отъ втораго сына, которому онъ далъ знаменитѣйшій изъ удѣловъ русской земли. Князь негодовалъ, но не падалъ духомъ, онъ не склонилъ своей больной и старческой головы передъ дерзкимъ своевольемъ и самъ пожелалъ идти на сына въ Новгородъ. Противъ Печенѣговъ онъ послалъ любимаго своего сына Бориса, едва вышедшаго изъ юношескаго возраста. «Требите путь и мостите мостъ!» сказалъ онъ своей дружинѣ и боярамъ, собираясь въ походъ.

Но справедливо вознегодовавшій князь не собрался въ это путешествіе. Онъ заболѣлъ и черезъ нѣсколько дней скончался въ своемъ Берестовѣ 15 іюля 1015 года.

Въ Кіевѣ въ это время находился Святополкъ.

Смерть князя Владиміра была неожиданна для его окружающихъ, самъ князь не успѣлъ и не готовился озаботиться относительно государства и оставилъ престолъ безъ назначеннаго имъ наслѣдника. Около Владиміра въ селѣ Берестовѣ изъ сыновей его не было никого; ближе другихъ находились къ нему Святополкъ и, какъ догадываются, Глѣбъ, остававшійся въ это время въ Кіевѣ. Первымъ дѣломъ бывшихъ возлѣ Владиміра лицъ было стараніе скрыть на первое время смерть князя и скрыть это главнымъ образомъ отъ Святополка. Отношеніе этого сына къ отцу, а равнымъ образомъ и къ братьямъ, было извѣстно всѣмъ. Опасались того, что въ Кіевѣ не было дружины Владиміра, ушедшей, какъ извѣстно, противъ Печенѣговъ, а также не было и любимца Владиміра, самого предводителя кіевскихъ войскъ, Бориса. Близкіе къ усопшему князю люди желали во всякомъ случаѣ сперва предупредить населеніе столицы и приготовить его къ тому, какъ поступать, если князь Святополкъ задумаетъ что-либо предпринять.

Если народу было извѣстно нерасположеніе Святополка къ Владиміру, то ему же было понятно и отношеніе его къ Борису, котораго отецъ, замѣтно для всѣхъ, предназначалъ себѣ въ преемники. На сторонѣ Бориса была дружина, бояре и старѣйшины, словомъ главная сила государства, но, какъ мы сказали, ни Бориса, ни дружины въ это время въ Кіевѣ не было, и это послужило причиною не малаго затрудненія. И такъ, великій князь, заботившійся до конца жизни о своемъ государствѣ послужилъ въ день вѣчнаго своего успокоенія поводомъ къ тому, чтобы бояться нарушенія тишины и государственнаго порядка. Ночью, тайно безъ лишнихъ свидѣтелей тѣло князя, обвернутое въ коверъ, на саняхъ перевезли въ Кіевъ и поставили въ Десятинной церкви. Но печальная вѣсть быстро облетѣла городъ, и народъ, по словамъ лѣтописца, въ безчисленномъ множествѣ стекался въ церковь поклониться умершему князю. Святополкъ дѣйствительно узналъ объ этомъ событіи прежде другихъ. Онъ сейчасъ же принялъ свои мѣры и, считая себя по праву старшинства наслѣдникомъ Владиміра, объявилъ себя великимъ княземъ кіевскимъ и сейчасъ же началъ раздавать подарки гражданамъ съ цѣлью привлечь ихъ на свою сторону. Но кіевляне не могли дѣйствовать рѣшительно, они ожидали возвращенія дружины и хотѣли знать, что скажетъ войско, которое могло въ это время провозгласить великимъ княземъ своего вождя Бориса. Положеніе было дѣйствительно затруднительное и для государства очень тяжелое. Съ сѣвера грозилъ Ярославъ съ наемной дружиной, съ юга могли нахлынуть полчища Печенѣговъ, узнавшихъ о печальномъ событіи внутри государства. Въ самомъ Кіевѣ сидѣлъ Святополкъ—главнѣйшая причина не безъ основанія ожидаемыхъ безпорядковъ. Смерть любимаго князя тронула всѣхъ отъ знатнаго боярина до убогаго нищаго. Всѣ почтили его непритвер-

нымъ чувствомъ горя; всѣ помянули великаго князя: одни—какъ заступника земли, другіе—какъ своего покровителя и, положивъ въ мраморномъ гробѣ, схоронили его при общемъ плачѣ. Но въ этомъ безчисленномъ народѣ не было тѣхъ, кому Владиміръ былъ ближе всѣхъ—при отцѣ не было его дѣтей, ибо находившійся тутъ Святополкъ былъ только усыновленнымъ племянникомъ.

Такъ окончилъ свою жизнь великій князь кіевскій Владиміръ Святославичъ.

Отрокомъ онъ сталъ уже правителемъ Новгорода, юношей—великимъ княземъ кіевскимъ, въ пору цвѣтущаго мужества позналъ истину христіанскаго ученія и въ годы старости успокоился въ лонѣ православной церкви. Нѣкогда, въ первые-же годы своей жизни, покинутый отцомъ, онъ прошелъ свой долгій жизненный путь, то въ бурныхъ порывахъ невоздержанія и въ кровавыхъ безчинствахъ своеволія: то былъ Владиміръ—язычникъ, то въ мирномъ размышленіи и благоговѣйномъ смиреніи предъ истиной вѣчнаго ученія—добрый, снисходительный и любящій: это былъ Владиміръ—христіанинъ. Почти на самой половинѣ своей жизни онъ испыталъ великое обновленіе своего духа и, съ крѣпкою волею отказавшись отъ стараго и ветхаго, перешелъ къ новому и безсмертному. По слову писанія, взятому нашимъ лѣтописцемъ изъ Апостола: «идеже умножится грѣхъ, ту изобильствуетъ благодать», Владиміръ дѣйствительно умножилъ свои грѣхи, но онъ же и заслужилъ великую благодать. При всемъ томъ и въ язычествѣ душа Владиміра не была преисполнена только одного грѣха. Въ природѣ его были и хорошія стороны, онъ

нуждался лишь въ добромъ руководителѣ, а такого наставника у него, къ сожалѣнію, не было. Добрыня изъ-за своихъ собственныхъ выгодъ наталкивалъ его на зло и, чуждый воспитанія, не видя грѣха въ томъ, что онъ дѣлалъ, Владиміръ шелъ на это зло, выполняя его со всѣмъ стараніемъ. Рано принявши въ свои руки власть, онъ видѣлъ себя выше всѣхъ и пользовался этимъ неограниченно и неудержимо. Это развило въ немъ своеволіе, быть можетъ, важнѣйшій и опаснѣйшій порокъ. Само язычество порочное и грубое, содѣйствовало бурнымъ порывамъ юности и не было въ состояніи дать ему никакихъ правилъ, которыя внушаетъ намъ религія. Передъ глазами Владиміра стоялъ безсмѣнно соблазнъ и никто не хотѣлъ и не думалъ устранить его отъ юнаго князя. Его поратили на каждомъ шагу, но за то у князя никто не могъ отнять его ума и способности зрѣлаго сужденія. Въ годы своего средняго возраста, когда Владиміръ уже свободенъ былъ отъ посторонняго вліянія и когда съ кіевскимъ престоломъ онъ достигъ наивысшей въ государствѣ власти, князь остановился и, можно сказать, осмотрѣлся вокругъ себя. Если въ первые годы въ Кіевѣ онъ и служитъ язычеству, и казнитъ христіанъ, то это онъ дѣлаетъ совсѣмъ не по внутреннему своему убѣжденію, чтобы благоговѣть передъ идоломъ и ругаться надъ христіанствомъ,—онъ совершаетъ это въ угоду язычникамъ, при помощи которыхъ онъ сѣлъ въ Кіевѣ, а также по наставленію Добрыни, а хитрый старикъ никогда не задумывался надъ средствами для достиженія своей цѣли. Добрыня зналъ, что если племянникъ сядетъ въ Кіевѣ, то онъ займетъ его мѣсто въ Новородѣ. Но разъ Владиміръ почувствовалъ себя прочно на великокняжескомъ столѣ, онъ оставляетъ мало-помалу свои прежніе поступки и приходитъ постепенно къ сознанію, что идолы есть дѣйствительно суета. Къ тому же Влади-

міръ видѣлъ на примѣрахъ, что язычество покачнулось, что ни для ума, ни для чувства въ немъ не было ничего, и умный князь, отказавшись отъ него, перешелъ самымъ естественнымъ образомъ къ христіанству.

Другое дѣло, почему онъ принялъ христіанское ученіе отъ Византіи, а не отъ Рима, важно то, что онъ отличилъ истину отъ лжи и на ней остановился. Но христіанское ученіе не можетъ быть воспринято только однимъ разумомъ, оно въ этомъ случаѣ будетъ не полно и не истинно, для него нужно и чувство,—и въ исповѣданіи вѣры Владиміромъ мы видимъ, что князь понималъ его всецѣло и служилъ ему всѣмъ своимъ существомъ. Въ 985 году Владиміръ предаетъ смерти христіанъ за ихъ вѣру, а черезъ три года онъ становится самъ христіаниномъ. Возможенъ ли былъ такой переходъ, еслибъ въ душѣ князя не было къ тому расположенія, еслибы въ натурѣ его не лежало къ тому влеченіе? Къ тому же Владиміръ готовился принять крещеніе не только для себя самого, для очищенія своей души, но и для того, чтобы наставить въ истинѣ всю свою землю, и этимъ онъ особенно великъ, ибо по слову Спасителя. «иже сотворитъ и научитъ, сей велій наречется въ царствіи небесномъ». Владиміръ дѣйствительно и сотворилъ и научилъ. Въ водахъ Днѣпра онъ сотворилъ наше крещеніе, а въ церкви и книгѣ далъ намъ истинное ученіе.

Конецъ.

